

СТИВЕН КИНГ

В СВОЕМ ПРАВЕ

Перевод с английского: Алексей «Kaiten» Гришин

«Когда пожилой авторитетный учёный утверждает, что что-то возможно, он почти наверняка прав. Когда он утверждает, что что-то невозможно, он, вероятно, ошибается».

Первый закон Кларка.

ПРОЛОГ¹

«Фаллуджа, Ирак. Стоит дикая жара, у меня пот течет по спине. Все кругом в пыли и песке. В лицо лезут мухи. Наше отделение патрулирует почти безлюдную улицу, все местные попрятались. Вдоль тротуара хлещет поток воды – видать, где-то прорвало водопроводную трубу. Дожди-то здесь бывают раза три в год и то по праздникам. В ручье барахтаются и несутся какие-то ошметки, мусор всякий, бумажные кораблики почему-то, и прочая хрень...

Я в головном дозоре; это значит – первым иду, док. И если что – первым наступаю в дерьмо. Вдруг слышу – кто-то зовет: «Эй, военный, ты туда не ходи – сюда ходи». Тихо и глухо, как будто из-под земли. Иду на голос, осторожно, палец на спусковом крючке.

Наступаю в струящуюся воду – она теплая. И журчит, журчит, заливает мне ботинки, и брюки намокли. Гляжу – водосток; вроде оттуда голос идет. И чего я сразу туда гранату не кинул? Нет, бл(пии), любопытно стало.

Наклоняюсь – там темно, как у негра в жопе, но кой чего разглядеть можно. Еб(пии) конем, пардон за мой французский, док! Клоун, настоящий клоун, как в цирке. И он такой: «Эээ, спускайся

¹ Не придавайте большого значения этому странному прологу, почти никак не связанному с основными событиями. Дальше все будет более-менее серьезно. Почти уверен, что при редактировании автор выкинул или заменил бы этот фарс (здесь и далее: примечания переводчика).

сюда, военный, будем кебаб из барашка кушать. Весело будет, мамой клянусь, да».

А я застыл, как столб, и думаю: «Стрельнуть или мне мерещится эта хрень?»

А клоун тем временем: «Эээ, слушай, военный, не спустишься – летать будешь, да. Вы все летать будете! Иншалла!»

Уж я понял, что к чему – не дурак. Жму на спуск – а он, бл(пии), не жметя ни х(пии), с предохранителя забыл снять. И тут как еб(пии), земля аж пузырем вспучилась. Фугас на сотню фунтов, не меньше. И я лечу, лечу! Как сраный белоголовый орлан! Потом падаю с кровати и просыпаюсь от удара головой об пол, и весь, бл(пии), обоссанный!»

Отрывок из аудиозаписи, сделанной психотерапевтом доктором М. Кауфманом в центре реабилитации раненых в Ираке и Афганистане военнослужащих.

1

Питер Хантли – Пит для друзей – не из любителей рано вставать. Он считает подъем ни свет ни заря верным признаком, что день не заладится, все дела будут валиться из рук и, как правило, пребывает в дурном настроении. Впрочем, нельзя сказать, что, поднявшись незадолго до полудня, он до вечера будет веселым и дружелюбным. Мало про кого из бывших полицейских, вышедших на пенсию по возрасту или после ранения, можно такое сказать. Еще он имеет привычку независимо от времени пробуждения вставлять в разговор крепкие словечки, не из желания оскорбить собеседника, а так, для связки слов. Это чтобы вы не удивлялись, услышав в ответ на: «Доброе утро, мистер Хантли» что-нибудь вроде: «Хрена лысого оно доброе, миссис Доу».

Будучи одним из двух партнеров частного детективного агентства «Найдем и сохраним» – агентства, прямо скажем, не процветающего – Питер вынужден мириться с такими неудобствами,

как частые и дальние поездки, многочасовые слезки, зачастую не приводящие ни к каким результатам, нерегулярная и непредсказуемая зарплата. Теперь вот еще и ранний подъем, потому что, видите ли, клиент попросил встретиться утром. Но Питер понимает, когда есть смысл жаловаться и ворчать, а когда следует запихнуть свои желания и привычки в задницу и просто делать свою работу.

Особенно если клиент обещает хорошее вознаграждение за плевое дело.

И вот, ранним апрельским утром, выпив две чашки крепкого кофе и в мыслях помянув недобрым словом тот день и час, когда он ушел из полиции и связался с частной детективной деятельностью, Питер Хантли прямо из дома, не заезжая в агентство, расположенное в центре города во Фредерик-Билдинг, отправляется в Лоутаун.

Это, мягко говоря, не самый престижный и благополучный район города, хотя и тут можно встретить чистые тихие улочки, такие, как Спринг-Стрит, застроенные небольшими уютными коттеджами. Нет, совсем не такие солидные особняки в викторианском стиле, что украшают Ридж-Роуд. Просто стандартные каркасные дома с крышами из металлочерепицы, обшитые сайдингом, обычно пастельных тонов. Но перед ними ухоженные, с подстриженной травой, лужайки, на которых дети не боятся оставлять свои велосипеды или разбрасывать игрушки. А на задних дворах, если хозяйева будут не против, что вы туда забредете, можно увидеть самодельную площадку для барбекю, здоровенный зонтик от солнца, батут, а то и мини-бассейн.

Участки небольшие, так что соседние дома разделяет от силы пятнадцать футов и чисто символическая живая изгородь. Соседи на таких улочках и в таких районах обычно живут дружно и стараются не беспокоить друг друга. Сюда редко забредают желающие продать или купить наркотики, которых часто можно увидеть на других улицах Лоутауна. Здесь не любят ярких красок, громких звуков и подозрительных приезжих. Совать нос в дела соседей – прерогатива местных жителей.

Спринг-Стрит – до чего ж банальное название² – напоминает Питу Хантли место действия сериала «Бывает и хуже», который он иногда смотрел, если по «ящику» не попадалось ничего лучше. Или улицу, где проживала семейка Симпсонов из мультика, что несколько лет назад обожала его дочь Шона.

Пит останавливает свой бежевый «Форд» у обочины, выключает двигатель и некоторое время сидит, откинувшись на спинку кресла и прокручивая в голове обрывки вчерашнего телефонного разговора. Сказать, что собеседник и разговор с ним показались странными – все равно, что сказать «дерьмо слегка пахнет». В отличие от своей партнерши по агентству, женщины средних лет по имени Холли Гибни, Пит не склонен давать волю воображению, не любит сюрпризы и розыгрыши, тонкие намеки и загадки. Если только это не прозаичная загадка в стиле «где же прячется сукин сын, задолжавший моему клиенту кучу денег?».

Но все же деньги – не главная причина, почему он откликнулся на звонок и договорился с клиентом о встрече в этот ранний час. Было в том разговоре что-то... настоящее. Что-то стоящее потраченного времени. Во всяком случае, так хочется думать Питу.

2

«Фамилия явно липовая», – думает Питер, когда позвонивший накануне мужчина представляется, после небольшой заминки, мистером Смитом. Но вслух Пит ничего не говорит; собеседник еще не клиент, контракт не подписан, так пусть называется хоть Папой Римским.

Сперва мистер Смит долго и осторожно подбирая слова спрашивает об оказываемых агентством «Найдем и сохраним» услугах, о гарантиях анонимности и юридических тонкостях. Пит уже начинает закипать, подозревая, что это розыгрыш, и борясь с желанием рявкнуть на собеседника, чтобы он, мать его, переходил уже к

² Весенняя улица.

делу. Раздражение подпитывает не очень-то грамотная речь человека явно не из высшего общества. В некоторых словах Смит проглатывает звуки, словно у него не хватает зубов. Когда терпение Пита уже на исходе, Смит неожиданно выпаливает:

– Вощем, можете выяснить, чем занимается мой сосед?

Питер облегченно вздыхает; разговор наконец-то начал переходить из теоретического в практическое русло. Просьба его совершенно не удивляет, в его детективной практике слежка за близкими (обычно неверными женами, реже – мужьями), деловыми партнерами, сотрудниками была обычным делом. Следить за соседями его еще не нанимали, скорее всего из-за того, что услуги частного детектива удовольствие не из дешевых. Но, почему бы и нет?

– Подробнее, мистер Смит, – говорит Питер. – И сразу предупреждаю: вмешательство в личную жизнь без достаточных на то оснований уголовно наказуемо. Мы не можем и не станем ставить объект на «прослушку» или устанавливать в его жилище скрытые камеры. Это чревато охренеть какими проблемами. Если только вы не подозреваете, что ваш сосед замешан в серьезном преступлении, но в этом случае я рекомендую вам обратиться в полицию.

– Да щаз. Если б я хотел натравить на мистера Уотерса копов – просто набрал бы 911, а не ваш номер, который втрое длиннее. – После этого немного бестактного заявления Смит продолжает, – Дэймон Уотерс – так, значит, соседа моего зовут. Я, конешн, понимаю, что немного странного хочу, но по телефону неудобно все подробности выкладывать. Мож, нам встретиться у меня дома и все обсудить?

– Обычно клиенты приходят к нам и...

– Да понял, не дурак, но прошу сделать, значит, исключенье.

– Прежде чем переться на другой конец города, я должен хотя бы в общих чертах представлять, что вы от меня хотите, – говорит Питер. – Должен ли я выяснить где бывает объект вне дома, с кем встречается?

– Не-не, ничего такого, если только вам самому не приспичит. Меня-то, вощем, интересует то, чем он занимается дома, в подвале.

Я потому и настаиваю на встрече у меня: вы сможете двух зайцев убить – узнаете что почем и осмотритесь прям на месте.

Пит, вспоминая свою работу в полиции, когда осмотреться на месте было первым и главным при расследовании любого преступления, не находит причин для отказа. Хотя его и продолжает грызть мысль, что все это похоже на розыгрыш. Ну чем таким может заниматься человек в своем подвале, за знание чего другой человек готов выложить сотни долларов? Превращает свинец в золото? Это напоминает детективу о том, что следует предупредить потенциального клиента о расценках, пока дело не дошло до подписания контракта. Некоторые клиенты делали в этот момент круглые глаза, думая, верно, что частные детективы занимаются благотворительностью, а питаются воздухом.

– Наш тариф за подобные услуги, мистер Смит, двести долларов в день плюс расходы, если они потребуются.

– Годится, – быстро и уверенно отвечает Смит, что совсем не вяжется с его манерой начинать разговор издалека. Видимо, поговорив с Питом, он убедился, что детектив – тот, кто ему нужен.

Закончив разговор, Питер сидит за своим столом, задумчиво рассматривая записанный адрес и несколько коротких заметок, сделанных им в блокноте. В приоткрытую дверь его кабинета заглядывает Холли – второй (или, скорее, первый) партнер агентства. Они равноправные партнеры с одними и теми же обязанностями: отвечают на звонки, ведут документацию и, конечно, непосредственно занимаются делами и расследованиями.

– Что, сложный клиент? – с любопытством спрашивает Холли.

– Пока хрен поймешь, – отвечает Пит. – Завтра будет видно.

Дом Смита ничем не выделяется среди других коттеджей на Спринг-Стрит. Такая же аккуратная лужайка, пересеченная дорожкой из искусственного камня. Такие же невысокие живые изгороди, отделяющие соседние участки. Пит машинально бросает взгляд на

дома по соседству, гадая, в котором из них проживает Дэймон Уотерс, невесть чем занимающийся в своем подвале. Впрочем, в телефонном разговоре Смит назвал свой адрес, но не уточнил ни номер, ни расположение дома соседа, так что это может оказаться любой – справа, слева, напротив. Они похожи, как горошины из одного стручка.

В этот час на улице почти безлюдно. В школах начались занятия, работяги отправились на работу, домохозяйки по магазинам. Возможно, в большинстве домов никто не отзовется на стук или звонок, никто не будет выглядывать из окна и не выйдет из двери в неподходящий момент. Не потому ли мистер Смит настаивал на встрече здесь и именно в это время? Скоро Питер это узнает. Если, конечно, кто-то откроет дверь дома 17, и этот кто-то окажется тем человеком, что вчера звонил в «Найдем и сохраним», а не такой же жертвой розыгрыша, что и Пит.

Поднявшись на крыльцо, детектив осматривается в поисках кнопки звонка и, не найдя ее, костяшками пальцев стучит по деревянной двери. Через некоторое время он слышит неторопливые шаркающие шаги. «Старик? – думает Пит. – По голосу не сказал бы».

– Это Питер Хантли из «Найдем и сохраним», – произносит Питер. – Мистер Смит, не так ли?

Дверь отворяется. Питер немного располнел еще до выхода на пенсию, но хотя бы старается держать себя в форме и даже может пробежать полмили, прежде чем свалиться с одышкой и коликами в бок. Открывший дверь мужчина младше его лет на пятнадцать, но выглядит дряблым и вялым, словно медуза. На лбу залысины, хотя волосы еще не седеют. Переваливающийся через пояс брюк живот колыхается при каждом движении и вздохе. На лице странное выражение, словно он о чем-то глубоко задумался и не замечает гостя.

Питер вопросительно поднимает бровь, ожидая ответа на свой вопрос. Хозяин дома, продолжая смотреть сквозь него, делает приглашающий жест рукой.

– Ну, заходите, вощем. Я рад, что вы, значит, смогли приехать. – Голос и косноязычие знакомые, и Пит слегка расслабляется. Шутник не стал бы приглашать его в дом.

Пит перешагивает порог. Смит, повернувшись к нему спиной, шаркает в гостиную. Походка у него странная, он словно опасается отрывать подошвы ног от пола. На затылке сквозь редкие волосы проглядывает розовое пятно от давно зажившего шрама или ожога.

Внутренняя обстановка дома не преподносит Питу никаких сюрпризов и откровений. Опытным взглядом он окидывает прихожую и гостиную, отмечая явные признаки того, что в этом же доме проживает женщина (миссис Смит?) и как минимум один ребенок школьного возраста. Обувь у двери и одежда на вешалке, обеденный стол в гостиной, слишком большой для одного человека. Явно женский вкус, сыгравший роль в выборе занавесок и обивки мебели. А вот и семейные фото в рамках на стене, развеивающие последние сомнения. Это хороший знак; психи и чудаки чаще всего одиноки.

– Садитесь, мистер Хантли, – говорит хозяин, осторожно нащупывая руками кресло за спиной, прежде чем опуститься в него. – Поначалу я, вроде как, извиниться должен – во вчерашнем разговоре я выдуманную фамилию сказал. Хотел, значит, сперва убедиться, что вы серьезно отнесетесь к моей просьбе... или, вернее, к моему предложению.

– Сделаем вид, что наш разговор только начинается, – предлагает Пит. – Питер Хантли, «Найдем и сохраним». Чем могу помочь?

– Кеннет Оллман. Не родственник музыканту, – Оллман улыбается, показывая мелкие зубы, но продолжает смотреть при этом куда-то в точку над плечом Пита.

Пит не знает такого музыканта,³ но ему в этот момент приходит в голову, что самое подходящее имя для хозяина дома – Гомер,⁴ и он улыбается в ответ, зная, что Оллман не прочтет его мысли и не

³ Вероятно, имеется в виду кто-то из братьев Оллман, игравших в группе The Allman Brothers Band. Грэгг, младший из братьев, умер в 2017, когда и происходят события повести.

⁴ Гомер Симпсон, персонаж вышеупомянутого мультсериала «Симпсоны».

обидится. В любом случае, Кеннет Оллман звучит неплохо, не так фальшиво и неестественно, как Смит.

– Да, вощем, вы можете помочь. Я не просто так попросил вас утром приехать. Только щаз я один дома, и мы можем все обговорить с глазу на глаз. Жена отвозит сына в школу, на обратном пути в парикмахерскую заедет и в «Джет-Март» за продуктами, так что, значт, часа два-три у нас есть. Не хочу я при них говорить. Вчера еле выгадал момент, когда Бобби прогуляться вышла, а Дэннис играл во дворе, штоб позвонить, значт. Семья не в курсе и пусть так и остается.

– Как вам угодно, – сухо замечает Питер. – Хотя я предпочел бы обсудить все детали в нашем офисе или где-то в городе. Не понимаю, что вам мешало встретиться вне дома, если вы так беспокоитесь о том, чтобы близкие не знали о ваших делах. Или вы... эээ... не выходите из дома?

– Выхожу, – отвечает Оллман. – Просто недалеко и ненадолго.

Он помахивает раскрытой ладонью перед лицом, продолжая смотреть в пустоту. И только теперь Питер понимает, что мужчина перед ним слеп, как крот. Вот тебе и Гомер...

4

– Мы с Бобби сюда переехали вскоре после того, как со мной несчастье случилось, – Кеннет Оллман вновь помахивает рукой перед лицом, как обычно делают в комедийных фильмах, проверяя: пьян ли человек вусмерть или все же замечает, что происходит вокруг. – Потерял зрение после ранения в Ираке. Щаз-то я не особо похож на морпеха, да? Двигаюсь мало, а бездельничаю много – вот и превратился в развалину. Мне и самому обидно. Но где-то там на стене должно висеть фото из Ирака, до ранения, конешн. Если Бобби его не сняла.

– Сочувствую, – из вежливости замечает Питер. – Да, фото висит. Хреново там было?

– Как на войне. Джип наш подорвался на фугасе в Фаллудже. Трое морпехов внутри – в фарш, конешн. А я сидел за турелью пулемета и вылетел из люка в крыше, как пробка из бутылки шампанского. – Оллман морщится, будто снова испытывает ту боль, его лицо мрачнеет. – Вощем, у меня с тех пор титановая пластинка в черепе, белая трость и военная пенсия по инвалидности. Получил уйму денег по страховке, а толку-то – слепота не-об-ра-тимая, хоть лечись, хоть не лечись.

Питер невольно думает о том, какого размера могла быть компенсация за ранение и потерю зрения. Наверное, все-таки, не миллион, иначе ветеран с семьей не жили бы в скромном коттедже в непрестижном районе. С другой стороны, Оллманы явно не бедствуют, а миссис Оллман не вынуждена работать.

– Нет худа без добра, – продолжает Кеннет. – Я вышел в отставку по ранению раньше, чем Трамп втянул бы Америку в какую-нибудь заваруху. Помяните мое слово – к этому все идет. Думал собаку-поводыря завести, но зачем? Ведь моя Бобби не бросила меня в одиночестве, не оставила в горе, как, значит, и обещают в брачной клятве. Она даже настояла, чтоб мы ребеночка завели; Дэннису сейчас одиннадцать. Чудо-женщина, да?

Питер кивает, запоздало сообразив, что собеседник не видит этого жеста.

– Правда. Но вы, судя по всему, не доверяете ей настолько, чтобы посвятить в дело, которое собираетесь обсудить со мной, незнакомым по сути человеком.

– Доверие тут ни при чем, – отвечает Оллман. – Если б речь шла о чем-то обычном, я бы ей доверился со всеми потрохами. Но щаз не хочу ее понапрасну волновать. Вдруг все это, вощем, мои фантазии и выдумки? Вдруг она решит, что я с ума схожу?

– Но вы не сходите? – уточняет Пит.

– Надеюсь, что нет. Говорят, как зрение теряешь, другие чувства, значит, обостряются – вы, мож, слышали про такое. И сдается мне, появляется этакое шестое чувство, ин-ту-иция, предчувствие, как ни назови. Вощем, оно-то мне и подсказывает, что...

«Я не слепой, но интуиция и мне подсказала, что стоит сунуть нос в эту хрень, какой бы странной она ни казалась», – думает Пит.

– Но что мы понапрасну время тратим, – спохватывается Оллман.

– Да, давайте перейдем к вашему соседу и к причинам, по которым вас интересуют его занятия.

Оллман складывает ладони домиком, как часто делают люди в минуту раздумий или пытаюсь сосредоточиться. Питер уже начинает привыкать к взгляду его невидящих глаз, устремленному в пустоту над своим плечом.

– Ну, вощем, Дэймон и Элис Уотерс поселились по соседству не так уж давно, – начинает он. – Лет пять назад, типа того. Их дом следующий, если считать от начала улицы.

Питер открывает блокнот для заметок.

– Если ваш – номер 17, то следующий – 19, правильно?

– Да. У нас на втором этаже окно в спальне прямо на дом Уотерса выходит. Позже сможете незаметно осмотреть его.

– Детей у них нет?

– Если и есть, то они взрослые и живут отдельно. Мистеру Уотерсу, мож, за шестьдесят, а его жена, конешн, чуть моложе была.

– Была? – переспрашивает Пит.

– Щаз дойду до этого, потерпите минутку. Как Уотерсы заехали, мы, значт, как добропорядочные соседи, к ним наведались, из вежливости. С домашним пирогом, приветствиями, ну, вы понимаете. Я, правда, толком ничего не разглядел, темно было, – шутит Оллман, – но Бобби потом рассказала. Собсно, тут и рассказывать нечего, обычная пара в возрасте, вежливые, но не особо-то разговорчивые. Помню, Дэймон назвался ученым на пенсии, но какими науками занимался – не сказал. Что мне еще в голову врезалось – акцент у него. Легкий, почти незаметный. Не знаю, имеет ли это значение.

«Значение может иметь любая хрень, – думает про себя Пит, пометая в блокноте: „иностраннй (?) акцент“ напротив фамилии Уотерс, – вот только ты никогда не угадаешь, *какая* именно хрень сыграт роль, а *какая* – просто засрет тебе мозги».

– Несколько лет все своим чередом шло, – продолжает рассказ Оллман. – Мы с Бобби здоровались с Уотерсами, изредка о какой-нибудь ерунде фразами перебрасывались, типа, о погоде или событиях в городе. Но семьями мы не дружили. И в доме у них больше никогда не бывали. Пару раз Бобби, значит, приглашала их на День Благодарения и еще по какому-то поводу, но Уотерсы, вощем, вежливо отказывались. Очень замкнуто они жили, вряд ли дружили с кем-то еще с нашей улицы. И я никогда не слышал, чтоб они гостей встречали. И шума из их дома не слышал, типа того, что всегда бывает, даже если вечеринки скромные и малолюдные. А полгода назад, когда миссис Уотерс исчезла, и вовсе тихо, как в гробу, стало.

– Исчезла? – переспрашивает бывший коп, мигом наострив уши. Он-то знает, какими порой оказываются подобные исчезновения.

– Полиция приезжала, как же без этого. Но всего разок; никаких криков, обыска, суматохи. Никакого «Где вы спрятали тело, мистер Уотерс?» Видать, Дэймон наплел им что-то убедительное, и никаких подозрений не вызвал. Вощем-то я не считаю, что он жену свою убил и тело в подвале прячет, если вы об этом.

– Иногда жены просто пропадают, – согласился Пит.

Его собственная жена пропала не столь буквальным образом. В один прекрасный день собрала чемоданы и «Чао-какао, документы на развод получишь по почте». Она отказалась от алиментов, потому что ее новый хахаль зашибал раза в три больше Пита, но взамен оставила на его попечение дочку-школьницу, которая сейчас была на год старше, чем сын Оллмана. Время от времени бывшая звонила и, если трубку брала Шона, мать и дочь обменивались несколькими фразами. Если трубку брал Пит – он посылал бывшую жену на хрен. Он рассказал правду только Биллу Ходжесу, в паре с которым прослужил двенадцать лет. Остальным говорил, что развод был любовным и они продолжают поддерживать дружеские отношения.

– Но странное началось чуть раньше.

– Странное, значит? Из-за чего вы и обратились ко мне, мистер Оллман?

– Ага, так и есть. Я ж говорил, сосед назвался ученым, да и впечатление такое было, значит, по голосу. Ин-тел-ле-хентный голос такой, не то, что у меня. А со слухом у меня все в порядке, не жалуюсь. И вот, слышу однажды – у соседнего дома останавливается грузовик. Я за эти годы наострился распознавать автомобили по звукам. Вас я услышал еще когда вы только на Спринг-Стрит свернули. Большая американская машина, но не новая. Дверца заедает слегка, не всегда захлопывается с первого раза. Прав я?

– Угу, – признает Питер. – А тот грузовик – когда именно он приехал?

– Конец ноября, думаю. За месяц до исчезновения миссис Уотерс. Знать бы тогда, что это важно – записал бы дату.

– И что же необычного было с этим грузовиком?

– С ним самим – ничего. Просто местная служба доставки, все такое. А вот груз необычный. Дэннис мне потом рассказал: несколько ящиков таких, с металлическими углами, в которых музыкальные группы и телевизионщики барахло свое обычно перевозят, мотки кабеля... и десять коробок с «Плейстейшн 4». То-то я думаю, что это Дэннис к окну прилип и глаз с грузовика не спускал. Позже он такую же себе на день рождения выпросил. Вон она, под телевизором.

– «Плейстейшн»? – недоуменно повторяет Питер, – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но эти гребаные штуки предназначены...?

– ...для игр. Игровые, значит, приставки, – кивает Оллман, явно довольный произведенным эффектом, – Самые что ни на есть последние модели, дорогущие.

Пит вспоминает одно очень странное дело, еще когда он служил в полиции, в котором фигурировали игровые приставки, доводящие подростков до самоубийства, но те были маленькие, карманные.⁵

– На хрена, пардон за мой французский?

⁵ Речь о событиях романа «Пост сдал».

– Вот вы мне и ответьте, если сможете. Есть у меня кое-какая охренительная идея, пардон за *мой* французский. Я ее озвучу, если вы, вощем, согласитесь остаться и дослушать до конца.

– Продолжайте. – Ручка так и носится по странице блокнота.

Питер и правда собирается остаться. История заинтересовала его с самого начала, но, когда Оллман упомянул об исчезновении жены соседа, Пит сделал стойку. Когда же на сцене появились десять коробок с дорогущими игровыми приставками (Шона не получила такую на прошлый день рождения и вряд ли получит на следующий) детектив ощутил себя ищейкой, перед носом которой помахали чем-то соблазнительно пахнущим, но не дали ни рассмотреть, ни попробовать на вкус.

– Прошло какое-то время. Соседи, вощем, стали еще замкнутее, чем обычно. Бобби заметила, что миссис Уотерс из дома почти не выходит. А если выходит – так не пешком, муж ее куда-то возит. А в подвальных окошках дома, Бобби говорила, по ночам свет горит. Сами-то они закрыты занавесками и снаружи ничего не видно, а свет, значит, проходит. Я поначалу на ее рассказы внимания не обращал, мало ли что бабы болтают. Да только потом это все меня коснулось.

– Каким же образом?

– Просыпаюсь я однажды ночью от тихого такого гудения, вроде как транс-фор-маторы или неисправные микроволновки, бывает, гудят. Но нет рядом с нашим домом никаких транс-фор-маторов, и раньше звук этот меня не беспокоил. Открываю я глаза, поднимаюсь с постели, смотрю на жену, что рядом спит; ее этот звук не разбудил...

– Смотрю? – поднимает бровь Питер.

– Да, сэр, *смотрю и вижу*. Сам в шоке был. Поднес руки к лицу, как будто того, что я всю обстановку в спальне вижу, недостаточно. Прикиньте мое изумление – после стольких-то лет слепоты... Я руку, значит, протянул и волосы Бобби погладил – наощупь они точь-в-точь, как когда я гладил их накануне. Хотел было растолкать ее, заорать:

«Я снова вижу, Бобби!», но что-то меня остановило. Сомнения какие-то, вощем. И чувство, что низкий гул, который меня поднял – это неспроста. Подхожу я к окну... Позже сами увидите, соседний дом стоит очень близко, загораживает весь вид. И вспоминаю тут слова Бобби, мол иногда поздно ночью в подвальных окошках у Уотерсов свет горит. Естественно я думаю, что и звук оттуда исходит. Такое мной вдруг непреодолимое любопытство овладело, смешанное с восторгом из-за вернувшегося зрения. Даже не задумываясь, открываю я окно, ноги через подоконник перекидываю и повисаю на руках, на краю рамы. Высота, вощем-то, небольшая, но, если б я рискнул сейчас такой трюк проделать – как пить дать лодыжку бы вывихнул.

Пит открывает рот, чтобы вставить свои замечания или задать вопрос, но решает прежде дослушать рассказ мистера Оллмана до конца. Несмотря на вновь возродившиеся сомнения в здравомыслии Кеннета.

– Спрыгиваю я, значит, на землю, продираюсь сквозь живую изгородь и подхожу к дому Уотерсов. Как я уж говорил, подвальные окна светятся. Только не как от электрических ламп или свечей. Нет, тусклый такой свет, зеленоватый, типа как в комиксах иногда рисуют ядовитые испарения на болоте или радиацию вокруг бочки с радиоактивными отходами. Ну, я, значит, нагнулся, почти на землю лег возле стены дома и заглянул в оконце. Занавесок на нем не было. Но и всего остального, что в обычных подвалах через окно можно увидеть, за ним не было. И тут, вощем, случилось... непонятно что случилось, вот! Что-то поразительное. Невероятное!

Лицо Кеннета Оллмана от волнения искажается гримасой, по лбу катятся крупные капли пота. Он нервно переплетает и сжимает пальцы, то ли борясь с желанием поделиться с детективом, то ли опасаясь, что тот примет его за психа.

– Послушайте, мистер Оллман... – не выдерживает Питер.

– Все со мной в норме, я себя держу в руках. Конешн, я понимаю, все это звучит... как бред сумасшедшего. У меня не получится описать в подробностях как в книжках, слов нужных не подберу. Скажу, как сумею – меня будто в кроличью нору засосало, как Алису в

сказке. Полетел, полетел... сквозь туман и мерцающие огни и очутился, вощем, где-то еще, совсем в другом месте, в другом мире. Это, вроде, как сон внутри сна был.

Питер скептически хмыкает, но Оллман продолжает, не обращая на него внимания:

– Стою я в полутемном коридоре старомодного отеля. На полу – мягкий ворсистый ковер, на стенах лампы «под бронзу», а может и бронзовые, не разберешь во сне-то. И двери, двери, двери – ряд дверей вдаль уходит и где-то там в полумраке теряется. Я понимаю, что отель пустой, на зиму закрыт, и постояльцев в комнатах не осталось. Тишина такая стоит – аж звон в ушах. И в то же время чувствую, что должен, прямо-таки обязан, подойти к одной из дверей и войти внутрь – там меня ждут. Сделал, значит, несколько шагов по коридору и встаю напротив двери с номером 217 – номер прям врезался в память. Медленно, будто бы под водой, протягиваю руку и берусь за холодную ручку. Да, холод металла чувствую, так же явно, как сейчас под пальцами подлокотник кресла. Еще явнее, потому что ручку и дверь я видел, а кресло – нет. Но прежде чем я дверь открыл, ша-рахнула меня мысль: ведь я как встал с постели – так и пришел сюда – в одних поношенных трусах. Неудобно-то так, вдруг за дверью важные люди, женщины, да бог знает кто еще. И все равно, жму на ручку... Знаете, в жизни каждого человека бывают моменты, когда зашел не в ту дверь... Не хочу я говорить, что увидел, по любому не вам и не сейчас. Тошно и страшно. Телеса эти белесые, бесстыжие... Боже, и этот носок... так и стоит перед глазами... Тут я не удержался и завопил. Я – побывавший и раненый на войне. Не от страха увиденного орал, не думайте. А от страха, что застряну в этом сне навсегда и вечно буду среди этой раздун... разнуд... дикой, вощем, оргии колобродить...

– И вы проснулись? – с облегчением спрашивает Питер.

– Ага. В полной темноте, как просыпался последние двенадцать лет. Но то, что видел, не забылось и не забывается до сих пор. Это был самый правдоподобный и наполненный деталями сон, какой я только видел в жизни.

– Но всего лишь сон, – Питер осторожно пытается подтолкнуть мысли собеседника возвращению к чему-то более материальному, если есть к чему возвращаться. Ох, неужели он был столь глуп и доверчив, что понапрасну потратил полдня, выступая в роли слушателя для слепого чудака?

– Не один сон, – произносит Оллман тоном заговорщика. – О, нет, сэр, не один сон. Будь это один-единственный сон, я бы вам не звонил. За последний месяц я трижды видел во сне другие миры – не просто видел – побывал в них. Ощущал запахи, тепло или холод, прикосновения, все дела. Эти сны не всегда вызывали страх, чаще они захватывающие, увлекательные, вроде как кино смотришь. Я понимал, что сплю, и самое страшное, что мне грозит – я проснусь в привычной темной пустоте. И каждый раз сном предшествует или сопровождает тихий низкий гул, который доносится – я уверен – из подвала соседнего дома. Гул реален – в этом я тоже уверен. Бобби не слышит его, Дэннис не слышит. Но они-то не слепы, их слух не обострен, как у меня.

– Знаете, мистер Оллман, – со вздохом говорит Пит, – первое, что приходит мне в голову: ваш сосед-ученый балуется некими физическими опытами, которые вызывают столь любопытные побочные явления. Но вам не нужен частный детектив, чтобы что-то предпринять в связи с этим. Такие эксперименты могут быть опасными или незаконными, и раз они вас так беспокоят – почему бы не обратиться в соответствующие инстанции? Для начала в Ассоциацию соседей, а следом – в полицию. Наверняка найдется простой способ заставить вашего соседа прекратить гудеть по ночам.

– Опять вы про полицию, мистер Хантли. Дело в том, что я не хочу, чтоб мистер Уотерс прекращал свои экс-пе-ри-менты. Я хочу, чтоб он их продолжал, завершил и поделился со мной их результатами. Только со мной. Так что включите-ка в контракт пункт о неразглашении итогов расследования.

– И за каким хреном это вам? – не сдерживается Пит.

– Я думаю... Только не смейтесь, ладно? Вощем, мне кажется, Дэймон Уотерс изобрел и построил у себя в подвале машину сновидений.

5

Слегка отогнув штору на окне спальни, Питер рассматривает дом Дэймона Уотерса. Расстояние и правда такое, что доплюнуть можно. Живая изгородь растет чуть ближе к дому Оллманов, на их участке, поэтому не загораживает два подвальных окошка соседнего дома. Кроме узких проемов на уровне земли, закрытых изнутри занавесками, на стене напротив имеется еще одно окно, видимо, спальни. Под самой крышей детектив замечает нечто интересное и, достав смартфон, делает снимок. Едва слышный звук нажатия кнопки не ускользает от чуткого уха слепого.

– Сдается мне, утром мистер Уотерс отсыпается после своих ночных занятий, – произносит стоящий рядом Оллман. – Но на всякий случай не высовывайтесь.

– Я осторожно, – отвечает Питер.

– Вряд ли он видел, как вы вошли, и даже если увидит выходящим – ничего страшного, у нас-то нередко бывают гости. Но если вы собираетесь следить за домом – лучше оставлять машину подальше, на соседней улице. Вощем, что я вас учу делать свою работу, сами разберетесь...

Они уже составили контракт, самый необычный контракт в детективной практике Питера Хантли – устный. Пит наговорил его на свой смартфон и на телефон Оллмана с большими кнопками и выпуклыми пупырышками на них. В тексте контракта говорится не только о том, что Питер попытается (за двести долларов в день; детектив не забыл эту деталь) выяснить, что за аппарат (если это аппарат) создал у себя в подвале мистер Уотерс, но и о том, что сам факт расследования следует сохранить в строжайшей тайне.

– Не от Дэймона, – поясняет Оллман. – Он-то так и так узнает, если не сразу, то позже. Но власти, полиция и особенно репортеры – ничего знать не должны. Даже ваши коллеги.

– Вам не нужна шумиха, – понимающе кивает Питер.

– Мне *нужна* эта машина, – говорит Оллман и тут же добавляет, словно боясь, что Питер неверно истолкует его слова. – Я ж не собираюсь отнимать ее у Уотерса или, боже упаси, убивать его, чтоб завладеть изобретением, я не такой человек. И не думаю, что смог бы сам разобраться в его открытии, даже будучи зрячим. Вощем, я ему сделаю щедрое предложение, от которого он не сможет отказаться; у меня все еще сохранилась львиная доля денег, полученных по страховке – больше сотни тысяч. Если надо – буду просить, умолять на коленях. Я все сделаю, чтоб его убедить. Вам, наверное, трудно понять мою одержимость. Но эти сны... возможность их *видеть* – очень много для меня значит. Ведь это *все*, что я могу видеть. А если про машину прознают власти... В соседний дом мигом нагрянут суровые люди в черном, и мистер Уотерс со своим аппаратом исчезнет, для меня-то по любому. Я навсегда останусь во тьме.

Питер не знает, что сказать. Но он не отказался от дела, он надиктовал контракт. И главное, ему самому хочется докопаться до истины и узнать, можно ли влиять на сны человека с помощью некоего прибора. Его собственные сны обычно представляют абстрактную незапоминающуюся мешанину из образов и событий, которую он постеснялся бы пересказывать своему психоаналитику. Если бы он у Пита был.

Оллман вертит в руках свой «бабушкин» телефон с крупными кнопками.

– Я всегда на связи, но, пожалста, если захотите что-то уточнить или спросить, говорите так, чтоб я мог ответить односложно. А то жена догадается о чем разговор. И, ради всего святого, не присылайте СМС.

– Кстати, как вы узнали номер нашего агентства и вообще о его существовании? Не от жены ведь?

– Сперва я подумывал обратиться к бывшему сослуживцу. Он единственный из нашего взвода живет в этом штате. Я слышал, он подрабатывает не только вышибанием пьяных из бара, но и вышибанием денег из должников и тому подобными сомнительными делами. Но он не захотел связываться. То ли ему дело показалось слишком запутанным, то ли он не видел другого способа, кроме как просто вломиться в соседний дом, а это уже уголовка. Но он посоветовал мне ваше агентство; сказал, мол, однажды имел с вами дело.

– Небось сказал, что я профессионал? – усмехнулся Питер, смутно припоминая дело, в ходе которого он подробно опрашивал вышибалу из бара в соседнем городе.

– Сказал, что вы чертовски въедливый сукин сын.

К дому подъезжает, сворачивает на подъездную дорожку и останавливается машина. Невысокая худенькая женщина с каштановыми волосами, выйдя, открывает багажник и достает бумажные пакеты с покупками. Из одного пакета торчит длинный золотистый багет, и Питер вспоминает, что не позавтракал перед приездом к Оллману, а сейчас время уже близится к обеду. Нужно чем-то перекусить, а то можно заработать язву.

– Похоже, ваша жена, – говорит Питер.

– Она и есть. Темно-синий «Бьюик», верно? Я с ней щаз поговорю, просто подыграйте.

Питер пожимает плечами, спускаясь вслед за Оллманом по лестнице на первый этаж. Ему интересно, как Кеннет собирается выкручиваться, ведь он не хотел впутывать родных в свои отношения с детективом.

Они успевают спуститься в гостиную как раз в тот момент, когда в замке поворачивается ключ. Женщина входит, удивленно и настороженно глядя на Питера.

– Дорогая, это мистер Хантли. Он частный детектив.

– Детектив? – переспрашивает Роберта Оллман, – А что вы, собственно, хотите от...

– Не волнуйся ты так. Все в порядке. Мистер Хантли просто расспрашивал меня про одного сослуживца иракских времен. Мож, я

говорил тебе о Фредди? Мы были в одном взводе, но особо не дружили. Похоже, у него неприятности, но ничего особенного. Вобщем, я сказал мистеру Хантли, что не встречался с ним с тех пор, как вышел в отставку, и даже не видел. Как будто я бы мог увидеть Фреда, окажись он у меня перед носом, ха-ха.

– Вам не стоит беспокоиться, мэм, – говорит Питер, доставая из бумажника и показывая самое что ни на есть настоящее удостоверение, дающее ему право на частную детективную деятельность. – Меня действительно интересовали кое-какие факты о сослуживце вашего мужа, но поскольку они не поддерживают близких отношений, мне больше нечего тут делать. Не смею больше отнимать ваше время. Спасибо, что ответили на мои вопросы, мистер Оллман.

– Жаль, что я ничем не мог вам помочь, – говорит Оллман. – Но если что – звоните, я дал вам номер.

– Ох уж этот Ирак, – вздыхает Роберта Оллман, когда Питер проходит мимо нее к двери. – Столько лет прошло, а он все напоминает о себе...

6

После обеда в забегаловке в паре кварталов от офиса «Найдем и сохраним», Питер оставляет «Форд» на подземной стоянке и на лифте поднимается на пятый этаж Фредерик-Билдинг. Они с Холли не так давно перебрались в этот офис, решив, что не пристало их детективному агентству ютиться в какой-нибудь занюханной конуре на окраине.

Помещение небольшое: приемная и два отдельных кабинета для партнеров агентства. Для полного счастья не хватает разве что секретарши, отвечающей на телефонные звонки и перепечатающей отчеты. Холли уже поднимала этот вопрос, но Питер сомневается, что они потянут еще одного сотрудника. Во всяком случае не сейчас.

Детектив проходит в свой кабинет, мимоходом отметив, что дверь кабинета Холли закрыта – значит, она на выезде. Что ж, это и

к лучшему – не придется объясняться, в какое странное дело он вляпался.

Питеру и раньше доводилось иметь дело со случаями, не вполне укладывающимися в голове обычного здравомыслящего человека. Взять, к примеру, дело Брейди Хартсфилда, маньяка-убийцы по прозвищу Мистер Мерседес. Были и другие дела, многие из которых не хочется даже вспоминать. Но каждый раз оказывалось, что за всеми необъяснимыми и загадочными обстоятельствами скрываются человеческие поступки, а корни этих поступков уходят в темные глубины человеческого разума. Нет пределов тому злу, что способен сотворить человек. Как и нет пределов человеческой глупости.

Пит присаживается за свой стол и включает компьютер, собираясь напечатать отчет. Они с Холли обмениваются краткими отчетами, не потому, что обязаны (они работают сами на себя), но чтобы быть в курсе: кто чем занимается. Иногда дела переплетаются и пересекаются самым причудливым и непредсказуемым образом.

Несколько минут Пит сидит, тупо глядя на чистый лист в Word'e. В конце концов, он решает представить это дело так, словно в нем нет и не было ни намека на нечто сверхъестественное. Холли, конечно, понравились бы такие намеки. Может, ее даже заинтересовал бы рассказ Кеннета Оллмана. Но контракт заключил Питер и дело будет вести Питер. К чему бы оно ни привело.

В данном случае, принимая на веру рассказ клиента (и забывая о том, что ключевое событие клиент обрисовал словами «поразительно» и «невероятно»), все очень походит на то, что сосед Оллмана и правда создал некое хитроумное устройство. Но никакого волшебства, никакой магии. Да здравствует наука! В памяти Пита, правда, всплывает фраза из какой-то фантастической книжки, читанной им еще в юности: мол, достаточно развитая технология неотличима от магии.⁶

Пит заканчивает отчет, когда слышит тихий щелчок, с которым открывается дверь приемной. Это вернулась Холли.

⁶ Один из трех законов Кларка, сформулированных в книге «Черты будущего».

– Что-то наклеивается, напарник? – спрашивает она.

– А, соседские разборки, ничего интересного, – отвечает Питер.

– Совсем-совсем ничего?

– Ну, возможно, тут замешаны сны.

– Сны?

– Да, такие картинки в голове. Люди видят их, когда спят. Я кину отчет в общую папку, потом прочитаешь. А ты чем занимаешься?

– Дело кота Сникера,⁷ – отвечает Холли с улыбкой.

– Кота Сникерса? Seriously?

– Серьезней некуда. Водитель «Грейхаунда»⁸ на остановке заметил кота, разгуливающего по салону. Решил, что он бродячий, и выпустил. Ну не дурак ли? Он же должен был помнить, что один из пассажиров вошел с кошачьей переноской.

– Не у всех такая хорошая память, как у тебя, Холли.

– В общем, кот каким-то образом выбрался из переноски и теперь как в воду канул. Хозяин, покинувший автобус, чтобы перекусить, устроил чудовищный скандал. Чуть не подрался с водителем. А потом во всеуслышание объявил за кота награду в 3000 долларов. Кто-то посоветовал ему наше агентство – и вуаля, я в деле.

– М-да, при Обаме такой хрени не было. – Пит знает, что Холли недолюбливает новоизбранного президента и не упускает случая подколоть ее, мол, с приходом к власти Трампа страна катится в пропасть. Он никогда не говорил Холли за кого голосовал на последних выборах, чтобы ее не расстраивать. А она не спрашивала. – Кот хоть породистый?

– Какое там. Обычный рыжик-полосатик. Но хозяин, видно, в нем души не чает. Я напрягла десяток волонтеров-зоозащитников.

⁷ В оригинале кличка кота Sneaker, что произносится практически как всем известная марка шоколадных батончиков (Snickers), но значение совсем другое. Помимо того, что так называют кроссовки, слово sneak означает – «красться», «увилить», «делать что-то украдкой, тайком». Мне нравится кличка Подкрадун, но для созвучия оставил Сникер 😊

⁸ Организация, занимающаяся междугородными автобусными перевозками, и принадлежащие ей автобусы.

Если кота найдут они – придется разделить вознаграждение. А сейчас думаю поднять волну в интернете.

– Кстати, об интернете, – вспоминает Пит. – Твой друг Джером ведь неплохо разбирается в компьютерах?

– Шарит в компах, – кивает Холли.

– Что?

– Так они сейчас говорят: шарит в компах. Думаю, разбирается.

А что ты хотел, Пит?

– Чувствую себя старым, как дерьмо мамонта. Можешь узнать у него: на что сгодятся десять игровых приставок? Кроме игр, конечно. Может, если их соединить или использовать какие-то детали из них...

Холли соглашается озадачить этим вопросом Джерома, обязательного молодого человека, с которым (и с его сестрой Барбарой) она познакомилась во время расследования дела Мистера Мерседеса вместе с Биллом Ходжесом.

А Пит, в голову которому приходит одна идея, закрывает Word и открывает Photoshop. Через некоторое время с жужжанием оживает стоящий в приемной общий принтер.

7

Питер считает себя хорошим детективом. Может, не таким хорошим, как был Билл Ходжес, но все же способным, наблюдательным и неглупым. По его мнению, главное в работе детектива – не только собирать и сопоставлять улики, грамотно вести допрос, терпеливо выполнять рутинные действия и не терять надежды, что они в итоге приведут к нужному результату. Но и чувствовать некую духовную близость к тому человеку или людям, которым стараешься помочь или которых пытаешься найти. Понимать их. Не перегибать палку, не принимать слишком близко к сердцу проблемы и беды жертвы преступления, не терять беспристрастность, которой должен обладать страж закона. Но хотя бы понимать. Питу кажется, что теперь, после того, как он обдумал утренний разговор и прикинул

план дальнейших действий, он понимает Кеннета Оллмана, хотя ему и трудно представить какво это – потерять зрение чуть ли не в самый активный период жизни.

Кеннет Оллман по понятным причинам не описал Питеру внешность мистера Уотерса. Справедливо рассудив, что информация об известных ученых может быть в интернете, Питер гуглит «Дэймон Уотерс», но ничего не находит. Он озадаченно хмурится. В чем причина: имя вымышленное или сосед Оллмана не имеет никакого касательства к научному миру? Впрочем, далеко не каждый ученый, тем более вышедший на пенсию, оставляет след в интернете в виде книг, статей и публикаций.

Что ж, придется познакомиться с мистером Уотерсом другим способом. А пока, чтобы не терять времени – оплачиваемого времени, но Питер не хочет злоупотреблять щедростью клиента – детектив набирает номер Изабеллы Джейнс, своей бывшей напарницы, с которой Пит работал пару лет, перед тем, как выйти в отставку. Иззи гораздо моложе Питера, поэтому его отношение к ней можно назвать снисходительно-покровительственными, даже сейчас, когда они больше не напарники. У нее красивые рыжевато-каштановые волосы и серые глаза, производящие впечатление почти на всех мужчин, но, что самое важное, она по-прежнему работает в полиции и никогда не откажет в помощи прежнему напарнику, старому доброму дяде Питу.

– Привет, рыжая, – говорит Питер, когда Изабелла поднимает трубку. – Сколько хахалей сменила за последний месяц?

– И тебе не хворать, старый пень, – отзывается Иззи. То, что в бытность напарниками Пит относился к ней, как к младшей сестре, не значит, что она перед ним благоговеет и преклоняется. – Еще не облегчил нагрузку на пенсионный фонд, сыграв в ящик?

– Не дожدهшься. Можешь оказать мне одну услугу? С меня кофе и мороженое.

– А с тебя большего и не выпросишь. В чем дело?

Пит объясняет, что его интересуют подробности расследования исчезновения человека. Называет фамилию, адрес – Лоутаун, Спринг-Стрит 19, примерную дату, когда было подано заявление.

– Мне не нужно все, что есть в папке, – добавляет он. – Главное – не было ли в деле каких-то странностей? Не возникало ли у детектива подозрений в отношении мужа пропавшей? Чем в итоге окончились поиски, хотя мы-то с тобой знаем, как они обычно ведутся. В идеале, я поговорил бы с самим детективом. Можешь узнать, кто вел дело и попросить его перезвонить мне?

Иззи Джейнс недовольно ворчит, мол, если Питеру нужна вся эта информация, то, может, ему не стоило уходить из полиции? Но, в конце концов, обещает разузнать.

8

Спустя два дня Питер сидит в своем «Форде», припаркованном на небольшой стоянке в самом конце Спринг-Стрит. До дома Уотерса ярдov двести, но на соседнем сидении лежит фотоаппарат «Никон» с длиннофокусным объективом, способный сократить это расстояние раз в десять. Пит благодарит бога, что сейчас не лето и стоит очень приятная погода, потому что кондиционер в машине накрылся, а ждать, возможно, придется долго.

Накануне Пит уже потратил целый день на слезку за домом, но Уотерс вообще не выходил, даже прогуляться по лужайке у дома. Похоже, он настоящий затворник. Если он закупается продуктами раз в неделю, то поджидать его можно до мозолей на заднице. Поэтому Питер решил прибегнуть к плану «Б».

Мимо время от времени проезжают автомобили, проходят люди, и в такие моменты Пит либо притворяется, что дремлет, либо раскрывает перед собой рекламный флаер местной закусочной и делает вид, что глубокомысленно его изучает. Но до него никому нет дела; ни сам Пит, ни его потрепанный, но приличный автомобиль никак не выделяются.

Наступает полдень. Улица совсем пустеет. Работяги на работе, бездельники и пенсионеры готовятся обедать. Что-то привлекает внимание детектива. По тротуару, жуя резинку, движется девчушка на электросамокате. Ее уши плотно заткнуты наушниками, глаза скрыты нелепыми темными очками в розовой пластиковой оправе, а позади развеваются два хвостика каштановых волос и сумка, типа почтальонской, на ремне через плечо. Коленки и стройные ноги ниже штанин джинсовых шорт ободраны после многочисленных падений с самоката. Будь воля Питера – он запретил бы это чудовищное средство передвижения отдельной поправкой в Конституции.

Девочка на самокате сворачивает на Спринг-Стрит и минует автомобиль Питера. Едет она не спеша, но целеустремленно. Пит, продолжая наблюдать за девочкой, поворачивает ключ в замке зажигания. Двигатель урчит.

Тем временем, девочка, поравнявшись с домом 23, слезает с самоката и идет к двери. Питер поднимает и нацеливает фотоаппарат. Дом не тот, но нужно попрактиковаться. Тяжелый и длинный объектив делает фотоаппарат очень неуклюжим, быстро поймать цель в видоискатель и нажать одной рукой на кнопку спуска не так-то легко.

Девочка о чем-то говорит с хозяйкой дома, открывшей дверь на ее стук. Разговор недолгий, всего пара фраз. Затем из «почтальонской» сумки девочки появляется лист бумаги. Женщина берет его, девочка возвращается к самокату и направляется к следующему дому.

На этот раз Питу удастся поймать в видоискатель протянутую девочкой листовку. На бумаге фото рыжего котика и несколько строк крупным шрифтом. Несложно догадаться о содержании. О скандале из-за пропажи Сникера говорили даже в эфире местного телеканала.

Питер берет из бардачка бумажный пакет и засовывает «Никон» в него. Дна у пакета нет, так что, держа фотоаппарат внутри пакета, можно делать снимки. «Форд» медленно выезжает со стоянки и движется по Спринг-Стрит. Рассчитать время так, чтобы автомобиль

поравнялся с домом Дэймона Уотерса в тот же миг, когда хозяин открывает дверь – задача почти непосильная, поэтому Питер надеется больше на удачу, чем на расчет.

Ему приходит в голову, что сейчас он со своими усами а-ля Джордж Харви,⁹ похож на типичного – и довольно глупого, потому что таких быстро вычисляют и ловят – педофила, собирающегося заманить или и затащить девчонку в машину, и Пит оглядывается по сторонам – не наблюдает ли за ним кто-то из местных жителей.

Девочка с листовками звонит в дверь дома 19. Питер, чей «Форд» еле плетется в сотне ярдов дальше по улице, поудобнее перехватывает пакет с фотоаппаратом. На миг ему кажется, что бумага закрывает объектив и никаких снимков не получится. Потом он думает: «Что, если Уотерс еще спит, его нет дома или он просто не открывает дверь незнакомым?» Но тут дверь начинает приоткрываться.

Питер прибавляет газу, но плавно, чтобы автомобиль не рванул вперед, привлекая внимание. Он не видит ни лица, ни губ девочки, но легко может представить, как она повторяет заученную фразу:

– Здравствуйте, мистер! Извините за беспокойство. Вы, случайно, не видели поблизости потерявшегося котика? Он рыжий, с полосками на хвостике, его зовут Сникер. Если вы найдете или увидите его – вот, такого, как на этом фото – пожалуйста, позвоните по телефону. Возьмите листовку, и хорошего вам дня!

Примерно на середине этой воображаемой речи, «Форд» Питера проезжает мимо дома, девочки и ее почти невидимого в глубине дверного проема собеседника. Держа руль левой рукой, правой Пит нацеливает фотоаппарат, завернутый в бумажный пакет, в окно водительской двери. Он включает автоспуск и фотоаппарат бесшумно делает пять снимков в секунду на протяжении трех секунд. Со стороны может показаться, что водитель держит перед со-

⁹ Персонаж фильма «Милые кости», педофил и убийца, ставший мемом.

бой сэндвич, завернутый в бумагу, или бутылку, спрятанную в пакете. Но кому какое дело? Улица пуста, а он едет со скоростью едва ли больше двадцати миль в час.

Миновав дом 19, Пит бросает пакет с «Никоном» на сидение и еще чуть прибавляет газу. В зеркало заднего вида он наблюдает, как девочка забирается на свой электросамокат. Никто не вышел из дома, чтобы посмотреть вслед девочке на самокате или «Форду» Питера. Детектив облегченно вздыхает. Осталось еще одно дельце.

Доехав до начала улицы, Питер сворачивает и паркуется на обочине, так, что со Спринг-Стрит его больше не видно. Проходит пара минут и появляется девчушка на самокате. Она останавливается возле автомобиля, небрежно облокотившись на край открытого окна.

– Ну, как я справилась?

– Неплохо, – отвечает Пит.

– С тебя десятка, пап.

– Совсем обнаглела, – ворчит Питер, но деньги дает. Он любит свою дочурку и часто ее балует.

– Ничего не обнаглела, – заявляет маленькая негодница Шона Хантли. – Я ради этого потратила свой волонтерский отгул за апрель.¹⁰

– А ты его еще и не потратила, – парирует Пит. – Солнце высоко, а у тебя осталось полсумки листовок.

8

Сперва Питер подумывает устроить за домом Уотерса ночную слежку, но взвесив все «за» и «против» отказывается от этой идеи. Как утверждал Оллман, «машина сновидений» включалась три раза

¹⁰ Во многих школах США школьники раз в месяц или чаще могут получить освобождение от занятий, если они занимаются в этот день волонтерской, благотворительной или общественно-полезной деятельностью. Такой отгул взял, например, главный герой «Сказки» перед тем, как отправиться в свое путешествие.

за последний месяц, то есть шанс застать ее за работой именно в эту ночь невелики. И судя по рассказу того же Оллмана, его жена и ребенок вовсе не ощутили никакого эффекта, не слышали гула, не видели необычных снов. Ну и как же Питер, бодрствуя всю ночь до зари, вообще поймет – работает аппарат или нет? Лечь спать в автомобиле, припаркованном напротив дома? Слишком рискованно и, опять-таки, не дает ни гарантий, ни даже оснований полагать, что неведомый прибор окажет на него такое же действие, как на Кеннета Оллмана.

А что, собственно, такого особенного в Оллмане? Почему он видит то, чего не видит его жена, спящая в той же комнате? Слепота, обостряющая слух и другие чувства – это не объяснение. Ночью, с закрытыми глазами, во сне – все люди слепы.

Питер возвращается в офис, решив сегодня заняться сбором и обработкой информации более традиционным способом. Прежде всего он перекачивает на компьютер сделанные утром фотографии, радуясь, что в эпоху цифровых технологий не нужно больше возиться с проявкой и печатью и, наконец-то, узнает, как выглядит Дэймон Уотерс.

Пит не ожидает, что объект слежки окажется типичным Безумным Ученым из комиксов – сгорбленным старикашкой с всклокоченной седой шевелюрой и в очках со стеклами, словно бутылочные донышки – поэтому он не удивляется, увидев на фотографиях обычного мужчину среднего роста и преклонного возраста, с небольшой седой бородкой, как у Шона Коннери в «Индиане Джонсе и последнем крестовом походе». Очков он не носит. Короткие волосы зачесаны назад, отчего перечеркнутый морщинами лоб кажется выше. Мистер Уотерс облачен в поношенный домашний халат из-под которого выглядывают серые пижамные штаны. Он, похоже, тоже не из любителей рано вставать.

Вечером Питер собирается спросить Шону: не заметила ли та татуировок, шрамов или пресловутого акцента в речи мистера Уотерса, но в общем-то это не имеет большого значения. Дэймон Уотерс ведь не разыскиваемый преступник. А то, что он предпочитает

уединение и странные ночные опыты... Кто без греха – пусть бросит камень.

На самом деле, Пита интересует не только внешность хозяина, но и внутренний интерьер дома. Он бы с удовольствием ознакомился с планировкой всех комнат и помещений, но приходится довольствоваться прихожей. Детектив тщательно изучает фотографии на экране компьютера, увеличивая отдельные места, прибавляя яркость и контрастность. Пару раз он удовлетворенно хмыкает в усы, видимо, обнаружив на фото то, что искал.

Убивая время в ожидании телефонного звонка, Питер почитывает в интернете статьи о природе сновидений и о попытках влиять на сны с помощью приборов. Те случаи, когда ученым, якобы, удалось добиться успеха, походят на мистификацию, достойную публикации во «Взгляде изнутри».

Какой-то яйцеголовый из Калифорнийского технологического утверждает, что сны гораздо более материальны, чем принято думать, а, следовательно, на них можно воздействовать физическими средствами и контролировать. Правда о практических опытах в этой области он не упоминает.

В другом материале рассказывается о поразительных по точности предсказаниях, основанных на сновидениях, о примерах так называемого дальновидения, когда человек видит во сне события, происходящие за много миль от него, и о других подобных небывлицах. Питер сильно сомневается, что хоть одна эта байка была зафиксирована и подтверждена официально.

Его собственные сны всегда были сумбурными и бессюжетными, хотя зачастую и включали в себя детали и обрывки событий из реальной жизни или мысли о них. Никакого интереса для исследователей они, конечно, не представляли.

Наконец, раздается долгожданный телефонный звонок. Это Изабелла Джейнс. Обменявшись с Питом обычными «любезностями», она переходит к делу:

– Детектива, что принял заявление об исчезновении Элис Уотерс, зовут Дональд Бродерик. 27 полицейский участок Лоутауна. Я

дала ему номер, он обещал позвонить сегодня, как только освободится.

– Спасибо, Иззи. А он не упоминал хотя бы вкратце – нашлись какие-то следы пропавшей, или она сгинула с концами?

– Да он едва вспомнил это дело и этих людей. Ты как будто не знаешь, как полиция завалена работой в нашем городе, в том числе розыском пропавших. Если нет явных признаков криминала, взрослых ищут спустя рукава, рассуждая, что если человек жив – значит, скрылся по собственной воле. А если мертв – то ему уже не помочь. Если пропавший, конечно, не сынок губернатора штата или кинозвезда.

– Ладно, спасибо и на том, – говорит Питер.

– Ах да, чуть не забыла, – спохватывается Иззи, – Я пробила этого твоего Уотерса по нашей базе. Ты спрашивал про странности – кое-что откопалось.

– За ним что-то числится?

– Вот именно, «что-то». Не знаю насколько это важно, но на этого Уотерса дважды приходил запрос на экстрадицию, но был отклонен.

Питер хмурится и пододвигает к себе блокнот.

– Так, погоди. С этого места поподробнее. Дэймон Уотерс разве не американец?

– Последние пятнадцать лет – американец. Получил гражданство в 2002. Женится на американке, взял ее фамилию. Тем не менее, наша страна имеет договор о взаимной экстрадиции со многими странами мира. Почему запрос отклонили – не знаю.

– В базе есть его прежнее имя? Откуда он родом?

Иззи фыркает.

– Я работаю в полиции, а не в иммиграционной службе. Скажи спасибо, что хоть что-то нарыла.

– Да-да, спасибо тебе большое. Буду ждать звонка Бродерика.

Иззи отключается. Питер разглядывает свои заметки в блокноте и думает, что неполная и обрывочная информация хуже, чем вовсе

никакой информации. Возможно, он вообще зря тратит время, копаясь в далеком прошлом Уотерса, ведь те события, за расследование которых ему платят, произошли здесь и сейчас. Но если он считает, что должен понимать клиента, то, может, стоит попытаться понять и человека по другую сторону?

9

Питер уже подумывает закрыть офис, в котором он коротает время в одиночестве (Холли посвятила вечер поискам кота Сникера и в офисе больше не появилась), и отправиться домой, когда раздастся второй из ожидаемых им звонков. На этот раз в трубке слышится незнакомый мужской голос.

– Это детектив Дональд Бродерик. Хочу поговорить с Питером Хантли.

– Я Питер Хантли. Спасибо, мистер Бродерик, что так быстро перезвонили, – говорит Питер, хотя он так вовсе не считает. Ему пришлось ждать несколько часов. – Вас не затруднит ответить на несколько вопросов, касающихся исчезновения Элис Уотерс осенью прошлого года?

– Может и затруднит, – отвечает детектив Бродерик. – Не уверен, что вправе разглашать детали своей работы и вообще давать вам хоть какую-то информацию. Меня просила позвонить детектив Джейнс, я так понимаю – ваша бывшая напарница, но я не знаком ни с ней, ни с вами. И вы больше не полицейский. Так что, прежде чем говорить на эту тему, я хочу послушать.

Питера не удивляет такая реакция. По голосу и интонации Бродерик представляется ему типичным «быком»,¹¹ уставшим и озлобленным на тяжелой неблагодарной работе, настырным, с квадратной челюстью и здоровенными кулаками. Может, из тех «быков», что любят лупить задержанных почем зря, но, когда дело касается

¹¹ Так на сленге называют полицейского в звании детектива, следователя.

их самих – становятся сущими законниками. Он терпеливо объясняет, что, уйдя в отставку из полиции, стал частным детективом в агентстве. Вкратце рассказывает про свое расследование (опустив, конечно, невероятные подробности, связанные со сновидениями). Заверяет, что информация не пойдет дальше его ушей и ни клиент Пита, ни мистер Уотерс, не узнают, что она была получена от детектива Бродерика. После некоторого колебания Бродерик соглашается выслушать вопросы Питера. Не обещая, впрочем, на них ответить. Неплохо для начала.

Сперва Питер повторяет вопрос, который уже задавал Иззи: не заметил ли детектив странностей в поведении Уотерса, когда тот сообщил о пропаже жены?

– У меня не было причин сомневаться в его словах, – отвечает Бродерик. – Человек был взволнован, но это нормально, ничего подозрительного мне не бросилось в глаза. Сложилось впечатление, что жена его попросту бросила и решила начать новую жизнь.

– На старости лет? Что ж, и такое бывает. Что вы предприняли потом?

– Я опросил соседей – никто не сообщал о ссорах между Уотерсами, или о чем-то, что могло бы говорить о домашнем насилии. Близких родственников, кроме мужа, у нее не осталось. Также я опросил кассиров на ближайших автостанциях и на вокзале, показывал им фото пропавшей. Никто ее не вспомнил.

– Это редко дает результат, – согласился Питер. – Мимо них проходят сотни людей в день. И она могла просто поймать такси.

– После этого мне оставалось только внести информацию о пропавшей в базу данных и надеяться, что рано или поздно что-нибудь всплывет: телефон, номер банковской карточки.

– Но многие беглянки первым делом меняют и то и другое.

– Совершенно верно. Поэтому, когда спустя пару недель стало ясно, что пропавшая миссис Уотерс не воспользовалась ни своим телефоном, ни кредиткой, ни документами – у меня не осталось никаких зацепок. Дело – «глухарь». Если она жива и на свободе – значит, не хочет, чтобы ее нашли.

«А если мертва, – мысленно добавляет Питер, – то с этим уже ничего не поделаться».

– Когда вы были в доме Уотерса – в подвал не спускались, случайно? – делает Пит бросок наудачу.

– Нет, не было оснований. Мы разговаривали в гостиной. А в чем, собственно...?

– А информацию о самом мистере Уотерсе вы проверяли?

– Конечно. Он чист.

– Вы уверены? Мне известно, что поступали запросы на его экстрадицию.

– Да, было такое, но давным-давно. Я связался с иммиграционной службой и там подтвердили, что запросы экстрадиции были отклонены, и никаких претензий и подозрений в отношении мистера Уотерса у них нет. С тех пор даже штрафов за превышение скорости у него не было.

– А можете чуть подробнее о своем разговоре с ИС? От какой страны поступили запросы?

Дональд Бродерик на несколько секунд замолкает, то ли вспоминая, то ли сомневаясь, стоит ли рассказывать. Наконец, он произносит:

– От Сербии.

– От Сербии? – удивленно переспрашивает Питер. – Это ж бывшая Югославия?

– Часть бывшей Югославии. Страна распалась после гражданской войны. В то время в США прибывало немало беженцев. Люди бежали от войны и репрессий, бросив дома, имущество и потеряв близких. А пришедшие к власти, должно быть, хотели вернуть их обратно, чтобы засадить в гулаг.¹² Неудивительно, что запросы об экстрадиции были отклонены. Повезло человеку, что это было давно, при Клинтоне; при Трампе ему бы живо дали пинка под зад и отправили обратно.

¹² Представления Кинга о войне в Югославии в 1991-2001 оставляют желать лучшего. Либо он умышленно наделяет невежеством персонажа.

– Святой Тесла на электромобиле! – восклицает Питер. – Так Дэймон Уотерс, получается, родом из Сербии.

– Получается так. Из Сербии, Хорватии, Черногории или еще какой-то дыры на Балканах. Но он уже без малого двадцать лет живет в США.

– А как его звали прежде, не помните?

– Шутите? – отвечает Бродерик. – Прошло несколько месяцев. А впрочем... Припоминаю, что имя было созвучно, он его просто переименовал на американский манер. Дэмиан, Дамиан – что-то такое. А фамилия кончается на «-иц», как у евреев. А может на «-ич».

– И вы ее не вспомните? – разочарованно уточняет Питер.

– Боюсь, что нет. Но знаете что? Я вижу, вы неплохой человек и, наверное, неплохой детектив, а эти сведения важны для вас. Так что я могу еще раз звякнуть в ИС, вроде как я продолжаю расследование исчезновения миссис Уотерс. Узнаю старую фамилию ее мужа и пришлю вам СМС. Годится?

– Ну еще бы! Буду вам очень признателен. И последний вопрос: когда вы были в доме Уотерса, вам не пришло в голову проверить записи камеры видеонаблюдения? Может, на записи было бы видно, как миссис Уотерс покидает дом.

– С какой еще камеры? – озадаченно переспрашивает Бродерик.
– Не было там никаких камер.

– И сигнализации на двери тоже не было?

– Не было.

«А теперь есть», – думает Питер.

На собственноручно сделанных фотографиях он разглядел в верхней части дверного проема небольшой датчик и тянувшийся от него провод. Если датчик был на том же месте во время визита детектива Бродерика – он, профессиональный полицейский, не мог его не заметить.

Камера (одна из увиденных Питером; он может лишь догадываться – сколько их всего) установлена не над самой дверью, а на углу, под скатом крыши, поэтому Питер и заметил ее из окна спальни соседнего дома.

Питер искренне благодарит Дональда Бродерика, который оказался не таким уж засранцем, как показалось вначале, и завершает разговор. Уже вечер, пора бы и отдохнуть. Завтра будет новый трудный день.

По пути домой его настигает СМС-ка из двух слов: «*Дамьян Блажкович*».

10

Утром следующего дня Питер понимает, что пора определиться с планом дальнейших действий. Ему кажется, что он в тупике. Спору нет: он неплохо начал предварительное расследование личности и прошлого Дэймона Уотерса (или стоит называть его теперь Дамьян Блажкович?), но это ни на йоту не приблизило детектива к главной цели, ради которой его и наняли. Не все ли равно, кем был и откуда приехал этот тип, ведь выяснить нужно – чем он занимается здесь и сейчас. А для этого мало фотографий полутемной прихожей и показаний детектива Бродерика. *Вощем*, как выражается клиент, дело – та еще мудянка.

Из этого тупика все же есть два выхода. Первый – вломиться в дом в отсутствие хозяина, либо симитировав действия грабителя-наркомана, либо аккуратно открыв замок на входной двери отмычками – обладает определенным недостатком, мешающим применить его на практике. Это уголовное преступление, независимо от мотивов и от того, что будет обнаружено внутри дома. Питер работает в правовом поле и не собирается ни рисковать сам, ни подставлять агентство и Холли. Не говоря уж о том, что придется изрядно помучиться с отключением сигнализации.

К тому же, такое проникновение в дом мало что даст, если аппарат или прибор слишком сложен, и понять принцип его действия без инструкции невозможно. Почти наверняка так и есть. Если аппарат и

прибор вообще существует, а странные сны Оллмана не объясняются, например, тем, что сосед в подвале варит метамфетамин.¹³

Второй способ легален и, если можно так сказать, изящен: вступить с Уотерсом в непосредственный контакт. Познакомиться, разговаривать с ним, войти в доверие. Затем, либо напрямую объяснить свои намерения, предложить некую сделку, либо продолжать что-то выведывать окольными путями. Занять все это может не одну неделю. И Питер не видит ни единой причины, по которой ученый-заговорник станет с ним общаться, не говоря уж о том, чтобы раскрывать свои секреты. Это не то же самое, что открыть дверь девочке, разыскивающей потерявшегося кота.

Будь сам Питер ученым – это решило бы половину проблем. Они могли бы говорить с Уотерсом на одном языке и уж, наверное, нашли бы общие темы для беседы. Как назло, у Питера нет даже знакомых с ученой степенью или занимающихся наукой.

В памяти всплывает прочитанный в детстве рассказ, герои которого в аналогичной ситуации запалили дом, где один негодяй прятал лекарство от цинги – его-то хозяин в первую очередь и кинулся спасать.¹⁴ Но поджог – это еще хуже, чем взлом.

Питеру хочется обсудить сложившуюся ситуацию с клиентом; возможно, даже придется отказаться от дела. Но тут, словно прочтя его мысли, Оллман звонит сам.

– Ну, как успехи, мистер Хантли? – спрашивает он, – Имею же я право знать, на что трачу двести долларов в день?

– Безусловно, – отвечает Питер, хотя его немного раздражает такая бесцеремонность клиента. Тем более деньги пока не поменяли хозяина; в детективном агентстве «Найдем и сохраним» принято выставить счет после завершения дела, если иное не оговорено. – Я

¹³ Метамфетамин – синтетический наркотик, психостимулятор. Широко известен благодаря популярному сериалу «Во все тяжкие». Также производство метамфеамина в домашних условиях описывалось и играло роль в романе Кинга «Под куполом».

¹⁴ Рассказ «Ошибка господ бога» Джека Лондона. Иронично, но герой рассказа тоже утверждал, что почерпнул идею из прочитанной в детстве книги.

как раз собирался вам позвонить, но не был уверен, удобно ли вам разговаривать.

– Удобно. Я сейчас один дома.

– Кстати, об этом я тоже хотел бы поговорить. Как насчет того, чтобы посвятить в дело вашу жену? Я не вижу причин скрывать от нее происходящее, а ее помощь могла бы оказаться полезна.

– Потому что она может видеть то, чего не вижу я? Что ж, я не против, если вы сами мне верите и поможете убедить Бобби, что я не сошел с ума и не фантазирую.

«Если бы я самого начала имел дело с Бобби, мне не понадобилось бы тратить полдня только на то, чтобы выяснить – как выглядит Уотерс», – ворчит про себя Питер.

– Что касается самого расследования, – говорит он вслух, – пока мне порадовать вас нечем. Я хожу вокруг да около, собираю информацию. Вы знали, что Уотерс – иностранец? Вернее, был иностранцем до переезда в США?

– Нет, но по акценту догадался, – отвечает Оллман. – Это играет роль?

– Возможно. Это я и стараюсь выяснить. Не исключено, что на родине Уотерс занимался чем-то вроде того, что он делает здесь. Могли остаться следы. Дайте мне еще пару дней. Если я приду к выводу, что выполнить задание невозможно без вмешательства полиции и властей, то вам не нужно будет оплачивать эти дни моей работы.

– Деньги не имеют значения, мистер Хантли, – отвечает Оллман. – Мне нужно *знать*. Докопайтесь до истины. Если мои сны – не рождаются в моей голове, а вроде как передаются в нее извне, я хочу это знать. Если есть какой-то набитый микросхемами ящик, способный делать такое – я хочу его иметь. Я хочу *видеть*!

В голосе клиента звучит почти маниакальная ярость, вызывающая у Питера неприятные воспоминания о его полицейском прошлом и общении с преступниками, которые подчас заявляли что-то подобное, оправдывая свои действия. Словно они в своем праве.

– Я сделаю все, что смогу, – обещает Питер. – А пока, расскажите один из этих ваших снов. Недавний, или тот, что помните лучше других.

– Я расскажу вам лучший, – произносит Оллман. – Про тот мир, куда я хотел бы вернуться. И возвращаться снова и снова.

11

– На этот раз мне не нужно десантироваться из окна своей спальни и продираюсь через живую изгородь к соседнему дому. Штоб погрузиться в сон внутри сна мне достаточно сильно пожелать – я ведь знаю, что это возможно – и вот я проваливаюсь в кроличью нору. Через секунду стою я, значит, на огромном, края не видно, поле, сплошь заросшем красными розами. Розы здоровенные такие; и я столько цветов в одном месте сроду не видал. Шипы у них, кстати, тоже немаленькие – с палец длиной и острые, как бритва.

Через поле ведет лишь одна узкая тропинка, прямая, как стрела. Она тянется от того места, где я стою, до самой башни на другом конце поля.

Башня... Это башня, я вам скажу – всем башням башня; даже не знаю, с чем сравнить. Огромная, как небоскроб, верхушка до облаков достает. Черная вся и сужается кверху. Во, на минарет смахивает, только гораздо больше. Да и не бывают минареты черными, если только после пожара. И в небе над башней облака воронкой закручиваются и лучи света с разных сторон вместе сходятся. Только это видно, если искоса смотреть, боковым зрением.

Вощем, торчит эта башня посреди поля с таким видом, словно она ось или знак, отмечающий центр вселенной. И тянет к себе, как магнит. Ну, раз тянет – надо идти. Чем ближе подхожу – тем больше разгляжу. Вкруг башни по спирали ряды окон. Но все темные, ни одной лампы или свечки не видать. А футах в пятидесяти от земли – что-то вроде балкона с металлическими прутьями.

Приближаюсь я, значит, к башне и тут на балконе кто-то появляется. Гляжу – какой-то тип туда вылез и на меня сверху вниз смотрит.

Вроде человека, да только умом понимаю – не человек это. Дьявол, демон, черт безрогий – как ни назови – все не то. Воплощение чистого зла, вощем. Лицо как у старика, глаза прищуренные, злобные, а волосы не седые, а желтые, как солома, крашенные, наверное. Вырядился в костюм с иголочки, а на шее такой ярко-красный галстук, что издали кажется, что у демона этого горло перерезано и кровь стекает. Меня увидел – и давай орать что-то не по-нашему. А мне что? Иду себе дальше и в ус не дую.

Тут Красный Галстук разозлился, видать, что я на него ноль внимания, и на английский перешел. Только я все равно еле разобрал:

– Сделаем Серединный мир снова великим! – Или что-то в этом роде.

Ну, я вощем-то не против. Делайте, если надо. Только не доверяю я что-то этому типу. И правильно, что не доверяю. Стоило мне еще десяток шагов сделать, этот псих в меня начал ручные гранаты швырять. Первые две-три далеко от меня упали, но я, не будь дурак, еще при замахе носом в землю упал и с тропы в заросли роз откатился.

Эх, жаль нет со мной верной М-16А1 с коллиматорным прицелом – я бы старину Красного Галстука первой же очередью перечеркнул. Но я никогда не выныриваю из кроличьей норы с какой-нибудь экипировкой или оружием, всегда гол, как сокол. Мне словно понять дают: не твой это мир и не твоя история, ты здесь просто зритель. Смотреть смотри, а вмешиваться ни-ни. Посмотрел – и иди себе, досыпай дома.

И вот мне не остается ничего другого, как зарыться в колючие заросли роз и перекатываться туда-сюда, молясь, чтоб Красный Галстук не играл в молодости подающим в бейсболе.

Но тут одна из гранат падает чуть ли не у меня под носом. Прежде чем она взрывается, я успеваю прочитать часть надписи на ее округлом боку: «...арри Пот...». Гарри, мать его, Поттер! Эти книжки были на слуху до того, как я попал в армию. Говорят, по ним еще и фильмы снимали. Но что гранаты под такой маркой выпускают – это что-то новенькое.

В этот раз Красный Галстук побеждает. Но у меня такое чувство, что я сюда еще вернусь. Может, и не один раз. И рано или поздно я найду способ стереть злобную ухмылку с его физиономии.

Вам, небось, странно слышать, что я так хочу вернуться в мир, где меня гранатой приложили. Но штука в том, что это приключение мне такой заряд адреналина дало, какой я и в Ираке не имел. Стесняюсь сказать, но я когда от сна-то очухался, то жену разбудил и... того-этого. И главное: мне почему-то кажется, что это я пока в роли зрителя. А там, глядишь, и главным героем могу стать.

12

Вооруженный новыми знаниями и впечатлениями (сон Кеннета, при всей его абсурдности, был пересказан с такими неподдельными эмоциями, что Питер невольно проникся), детектив продолжает свои изыскания. «Похоже, сегодня я не вылезу из кабинета, – думает Питер, включая компьютер и запуская браузер. – Надо будет пиццу заказать что ли».

Сперва он ищет в интернете информацию о докторе Дамьяне Блажковиче, но, как и в случае с новым именем ученого, ничего не находит. Поразмыслив, Питер ставит в настройках браузера «искать только на сербском языке» и, после нескольких неудачных попыток правильно написать фамилию Блажкович на сербском, выскакивает пара ссылок. Гуглопереводчик выручает.¹⁵

Первая ссылка ведет на статью в каком-то старом бумажном журнале под названием «Научный Вестник» за октябрь 1989. Статья, конечно, была оцифрована и выложена гораздо позже, в 2010 году.

¹⁵ Статьи ниже даны, конечно, не в гуглопереводе, иначе их невозможно было бы читать.

Скандал в Белградском университете

Неприятным инцидентом закончился доклад, который прочитал (вернее, попытался прочитать) доктор Дамьян Блажкович в аудитории Белградского университета. Доктор Блажкович не числится в его преподавательском составе, а кем и на каких условиях он был приглашен – не разглашается.

Доктор выступил с докладом о своих работах, касающихся исследования новых и неизведанных свойств электричества, его влияния на человеческий мозг и разум. Речь докладчика изобиловала необоснованными и недоказанными теориями, вызвала недоумение у части слушателей, а частью была воспринята, как шутка или издевательство.

«Белградский университет – не балаган! – возмущенно заявил профессор университета М. (пожелавший сохранить анонимность). – А наука, особенно физика, не место для подобных шарлатанов!»

После того, как многие из собравшихся стали уходить из аудитории, доктор Блажкович прервал доклад и, не извиняясь, покинул стены университета.

«Дремучее средневековье никуда не делось, – сказал он позже нашему корреспонденту. – Единственное, что изменилось к лучшему – людей больше не сжигают на кострах, обвиняя в ереси».

Также он посетовал на то, что уже много лет не может издать свою книгу, поскольку на его идеи навесили ярлык антинаучных.

Ректор Белградского университета, уважаемый профессор Радван Станкевич, так прокомментировал эту ситуацию:

«Доктор Блажкович способный и подающий надежды ученый, пусть и наивно считающий, что идет по стопам Николы Теслы. К сожалению, текущее направление его исследований ведет в тупик, это очевидно большинству образованных людей. Поэтому я не удивлен, что научное сообщество отвергает его идеи. То, чем занимается и о чем говорит доктор Блажкович – это просто фантастика».

Вторая заметка привлекает более пристальное внимание Питера, хотя имя Дамьяна Блажковича упоминается там лишь единораз, в самом конце. Этот текст опубликован на одном из сербских новостных ресурсов в 2015, сравнительно недавно:

Безумный Четник¹⁶ наконец-то схвачен

Вуко Джокович, бывший полевой командир Сербской добровольческой гвардии, известный во время войны под кличкой Безумный Четник (некоторые даже называли его современным Владом Цепешем)¹⁷, был арестован в начале этого года в Чехии и депортирован в Сербию. Его поиски продолжались почти два десятка лет после окончания югославского конфликта. Вуко Джокович предстанет перед судом по обвинению в тяжких военных преступлениях: пытках и убийствах пленных, в том числе гражданских лиц, женщин и детей, терроризме, мародерстве...

Далее следуют подробности задержания этого весьма неприятного, судя по всему, типа в Чехии. Заметку иллюстрирует фотография, на которой двое полицейских усаживают в служебный автомобиль худощавого длинноволосого мужчину средних лет, похожего, на взгляд Пита, на голодного безработного художника. И почти в самом конце встречается имя, благодаря которому эта заметка и откликнулась на поисковый запрос:

К сожалению, многие пособники и сообщники Вуко, также замешанные в военных преступлениях и скрывшиеся из страны вместе со своим бывшим командиром, все еще остаются на свободе. Среди них...

Следует список из полудюжины восточно-славянских фамилий, ничего не говорящих Питеру. И вдруг – вот оно!

...доктор Дамьян Блажкович, известный под прозвищем Доктор Сон и обвиняемый в пытках и бесчеловечных медицинских экспериментах, проводимых над ранеными и пленными солдатами.

¹⁶ Четник – традиционное название балканских партизан, повстанцев и ополченцев. В оригинале: Brigand («разбойник», «бандит»). Но эти слова не совсем верно передают суть, ведь персонаж – командир военного формирования, а не просто атаман шайки разбойников.

¹⁷ Влад Цепеш – в 15-м веке господарь Валахии (княжества на территории нынешней Румынии). Прозвище Цепеш (Тепеш) буквально означает «сажающий на кол». Также известен, как Влад Дракула.

На лбу у Питера выступают капли пота, блестящие из-за отражения в них экрана монитора. Сердце забилось чаще. Кажется, он на верном пути. Но больше прямых ссылок нет. Между статьей в «Научном Вестнике» и новостью о задержании какого-то военного преступника прошло пятнадцать лет, и Блажкович за все это время не оставил следов. Во всяком случае таких, что сохранились бы в интернете. А впрочем...

Питер вбивает в строку поиска «Вуко Джокович», ошибившись в правильном написании всего три раза. Теперь ссылок гораздо больше, некоторые даже на английском. Но Питер чувствует больше доверия к сербским источникам.

Кажется, что нет преступления или злодеяния, в котором авторы, пишущие спустя годы после окончания войны, не обвинили бы Вуко Джоковича. Он был не единственным военным преступником, но, вероятно, самым одиозным, ненавидимым и устрашающим. Возможно, стоит относиться к этому потоку обвинений и ненависти более непредвзято, ведь война без сопутствующих ей ужасов и преступлений бывает только в кино для подростков.

Питер терпеливо, забыв про обед и свои планы заказать в офис пиццу, продирается через десятки статей, закидывая их в гуглопереводчик, как кочегар уголь в топку. В тексте не находится ничего полезного, но все же его поиски вознаграждаются. На одном из сайтов имеется целая галерея фотографий времен югославского конфликта. Питер внимательно разглядывает их, зная, что поисковик не привел бы его сюда, не будь на странице упоминания Вуко Джоковича. И вот – на одном из снимков знакомое лицо, и подпись подтверждает это: «Полевой командир СДГ Вуко Джокович в окружении своих соратников».

На переднем плане Вуко, с короткой стрижкой под зеленым беретом с югославским триколором. Выражение лица безмятежное, можно сказать – печальное; и не подумаешь, что этот же человек не только отдавал приказы об убийстве безоружных мирных жителей, но и лично принимал участие. На плечо опирается автомат Калашникова; Безумный Четник держит оружие небрежно, как привычную

вещь, вроде тросточки или зонтика. Вуко не похож на Распутина в «Анастасии»¹⁸ или Дракулу, с которым его сравнивали, но что-то общее все-таки есть. Глаза похожи. Взгляд, выдающий чудовищ.

Питер вглядывается в лица окружающих командира людей. Большинство из них в военной форме, в беретах, касках или черных вязаных шапках. Многие с бородами или многодневной щетиной. Но один – мужчина, лет сорока – в гражданской одежде, гладко выбрит. Открыв для сравнения сделанное вчера фото Уотерса, Питер развеивает свои последние сомнения. За плечом Вуко стоит Уотерс-Блажкович, на двадцать лет моложе, с темными волосами, без бороды – но это он. Трудно что-то сказать о выражении его лица, люди редко показывают свою истинную, внутреннюю сущность на фотографиях.

Завершающим аккордом в истории этого страшного человека – Вуко Джоковича – выступает короткая заметка на сайте «Kurir» («Курьер»), датированная прошлым годом. Согласно ей, Безумный Четник покончил с собой в тюремной камере, где он отбывал пожизненное заключение. Пит в глубине души надеется, что такая судьба настигла преступника отнюдь не по его воле, и петлю на его шее затянул кто-то, для кого это стало справедливой мезтью, а не убийством.

Удовлетворенно вздохнув, Питер сохраняет нужные ему тексты и фотографии, выключает компьютер и откидывается на спинку кресла. Теперь-то можно и пообедать.

А затем? Найденная информация в какой-то мере развязывает Питеру руки. Уотерс – далеко не такой законопослушный и безобидный гражданин, каким кажется. Военные преступления не имеют сроков давности. Странно только, что все эти факты проглядела или игнорировала иммиграционная служба.

И история с бесследным исчезновением жены Уотерса (черт, может, пора прекратить называть его Уотерсом, ведь это фамилия

¹⁸ Имеется в виду мультфильм компании «20 век Фокс», где Григорий Распутин изображен довольно гротескно.

его жены?!)) предстает теперь в другом свете. Скорее всего, она понятия не имела, за кого вышла замуж. А годы спустя могла наткнуться на ту же информацию, что раскопал Питер.

Детектив вспоминает похожий случай. Правда не из его полицейского опыта и вообще произошедший в другом городе, но он вызвал немало шума. Женщина четверть века была замужем за мужчиной, не подозревая, что он серийный маньяк-убийца. И лишь случайно, наводя порядок в гараже, она раскрыла эту страшную тайну. Женщине повезло – она не только осталась в живых, но и сбросила своего мужа с лестницы, когда он попытался убить ее. Элис Уотерс, вероятно, оказалась не столь везучей, и сейчас части ее тела покоятся на дне ближайшего озера. Или, растворенные кислотой, путешествуют по канализации. Бррр.

От раздавшегося в эту секунду телефонного звонка, Питер чуть не подскакивает. Но это всего лишь Холли.

– Привет, Питер. Я все еще занимаюсь поисками Сникера. Дело, похоже, безнадежное и не принесет никакой прибыли, потому что кота ищет полгорода. Но я не могу его бросить из принципа. А у тебя как дела?

– До развязки еще далеко, – неопределенно отвечает Питер. – И тут тоже не золотое дно, а больше дело принципа. Может, про меня даже напишут в газетах. Ага, хрена лысого. Я тебе потом расскажу или напишу в отчете.

– А я звоню сказать, что спросила Джерома насчет приставок. По его словам, несколько соединенных вместе игровых приставок «Плейстешн 4» могут использоваться для вычислений, как обычный, но очень мощный компьютер. Джером говорит, в последнее время стало модно использовать такие кластеры из «Плейстейшн» для нелегального майнинга криптовалюты.

– Постой-постой, – прерывает ее Питер. – Я понял все, что было до слов «модно использовать», а потом – какая-то абракадабра.

– Я тебе потом расскажу или напишу в отчете, – подкалывает Холли, но все же добавляет серьезным тоном. – Погугли, так будет быстрее и проще.

Закончив разговор, Питер снова включает компьютер и гуглит «майнинг» и «криптовалюта», пока не чувствует, что у него опухает голова.

13

С иронией осознавая, что похож сейчас на типичного отставного полицейского из голливудских боевиков, который собирается в одиночку проникнуть в логово злодея, вместо того, чтобы набрать 911, Питер начинает готовиться к ночной вылазке.

После возвращения домой из офиса, он поужинал вместе с Шонной, непринужденно болтая с ней о школьных делах и проблемах (ну какие у них там могут быть проблемы? Впрочем, в памяти еще не остыла недавняя новость про еще одного школьника, устроившего стрельбу в классе после того, как начитался не тех книжек). Но мысли Питера были заняты другим.

Дождаясь, пока дочь уйдет к себе и ляжет спать, Питер раздумывает о том, как ему следует поступить. Он далеко не герой и никогда им не был. Да, ему доводилось участвовать и в перестрелках, и в задержании опасных преступников. Но тогда он делал свою работу, выполнял свой долг. Сейчас же он работает сам на себя и предпочел бы не рисковать без причины.

Сердце твердит: «Позвони в полицию, позвони в иммиграционную службу – пусть они разбираются. У тебя дочь, ты не вправе так рисковать. Позвони хотя бы Иззи!»

Разум возражает: «А что, если...?» Что, если Питер ошибается? Что, если ошибся детектив Бродерик или безвестный сотрудник ИС? И Дэймон Уотерс вовсе не приспешник сербского военного преступника, а, например, схожий с ним внешне тезка. Брат-близнец, в конце концов! История знает и не такие поразительные совпадения.

Питер вспоминает одно поистине невероятное совпадение, когда жертвами двух разных (но одинаково жестоких и кровавых) преступлений стали Мэри и Питер Джексоны, только в одном случае муж и жена, а во втором – брат и сестра. Совпадение было бы не

таким удивительным, все-таки фамилия Джексон довольно распространенная, не произойди эти убийства в одно и то же время в границах одного штата. Причем в обоих случаях преступник не только не был найден, но даже не установлен.

И даже если Уотерс – тот самый Доктор Сон, обвиняемый в пытках и экспериментах на людях, значит ли это, что он совершил хоть одно преступление здесь, в США? Доказывает ли это, что исчезновение жены Уотерса на самом деле убийство? И кроме того (Питер едва не скрипит зубами, вновь возвращаясь к этому неразрешенному вопросу), что насчет этой гребаной машины сновидений? Она-то какую роль играет во всей этой истории?

Единственный человек, способный ответить на эти вопросы – житель дома 19 по Спринг-Стрит, пожилой мужчина с седой бородкой, называющий себя Дэймон Уотерс.

Решившись, Питер пишет записку дочери. Сперва хочет прилепить под магнит на холодильник, потом открывает дверцу и кладет внутрь, придавив бутылкой молока. Утром перед школой Шопа в холодильник не полезет, позавтракает тостами с джемом. И если все пройдет хорошо, Пит вернется домой раньше дочери и заберет записку.

«Все пройдет хорошо, – повторяет про себя Пит. – Иначе и быть не может».

Тем не менее под рубашку Пит надевает бронежилет – легкий, гибкий, без титановых пластин. Пулю в упор он, конечно, не остановит. Но способен превратить смертельное ранение в просто тяжелое.

Достав из сейфа «Глок», детектив проводит ладонью по холодной матовой поверхности оружия, взвешивает его на руке и кладет обратно. Интуиция подсказывает ему, что от такого оружия будет больше вреда, чем пользы. Его оружие сегодняшней ночью – то же, что всегда при нем – руки, ноги и мозги. Не обязательно в такой последовательности.

Начало второго. Почти во всех домах на безлюдной Спринг-Стрит окна темные, но кое-где горят небольшие светильники над дверью. Чтобы загулявший допоздна в баре глава семьи не ошибся домом, наверное. Уличные фонари бросают на асфальт круглые пятна света, и Питер шагает прямо через них, не стараясь укрыться в темноте. «Веди себя так, словно ты в своем праве – и никто даже не обратит на тебя внимания» – это справедливо как для преступников, так и для детективов. Не слышно ни голосов, ни звуков работающих телевизоров.

Свой «Форд» Питер оставил на той же стоянке, что и в первый раз, когда подослал к Уотерсу Шону с листовками. Ночь теплая, не повредит прогуляться пешком и проветриться. Глядишь, в голову надует какая-нибудь свежая идея.

Ночь, честно говоря, не слишком подходящая для задуманного дела (Питер предпочел бы бурю с грозой), но выбирать не приходится. Конечно, он мог бы отложить эту вылазку на несколько дней, продолжать собирать информацию, наводить справки и следить за домом 19 и его одиноким обитателем, исправно получая за это двести долларов в день. Но Питер не думает, что в этом есть смысл. Чем раньше он встретится с Блажковичем лицом к лицу – тем раньше все закончится, так или иначе. Смысл был бы в полном отказе от дела и передаче его в руки полиции или ИС, но поступить так Питеру не позволяет профессиональная гордость и любопытство.

Через дорогу тенью скользит кошка, то ли бездомная, то ли вышедшая из дома на ночную охоту. «Интересно, нашла ли Холли Сникера?» – мелькает у Питера мысль.

Не доходя дома три до нужного, Питер сворачивает на подъездную дорожку и, не задерживаясь надолго возле освещенного фасада, ныряет в темный проход между домами. Теперь он продолжает путь через задние дворы, они освещены гораздо хуже. Питер старается двигаться бесшумно, чтобы не потревожить жильцов, но

преодолеть живые изгороди без треска и шороха не легче, чем полосу препятствий в Форт-Брэгге.¹⁹ Если кто-то из соседей Блажковича вызовет полицию, а то и выскочит на крыльцо с дробовиком в руках, Пит окажется в дурацком положении.

Наконец, он останавливается перед последней преградой из кустов, за которой начинается участок Уотерса-Блажковича. Он уверен, что не ошибся домом – узкие подвальные оконца, расположенные почти на уровне земли, светятся. Это обычный свет электрических лампочек, пробивающийся сквозь ткань занавесок, не ядовито-зеленый, что описывал Оллман. Никакого гула, тревожащего клиента, также не слышно.

Питер уже знает, что одна камера наблюдения направлена на площадку у входной двери. Другие ему так и не удалось обнаружить, но логика подсказывает, что как минимум одна должна смотреть на задний двор. Сюда выходит дверь черного входа, и злоумышленник, конечно, предпочтет ее для проникновения в дом. Если бы Питер видел камеру, то мог бы прокрасться под нее, в «мертвую зону», после чего закрасить объектив краской из баллончика.

Тут на детектива нисходит озарение: Блажкович живет один; если сейчас он находится в подвале, занятый своей загадочной работой, то следить за камерами некому. То, что Питер попадет на запись, не будет иметь никакого значения. Главное, чтобы хозяин не узнал о его приближении к дому раньше времени. С этими мыслями Питер решительно продирается через живую изгородь и подходит к двери черного входа.

Замок на двери не из дешевых, что можно открыть любой скрепкой, но Питер запасся отмычками и надеется одолеть его. Больше опасений вызывает сигнализация. Он знает несколько способов ее отключения (почерпнутых в бытность полицейским из допросов задержанных воришек), но ни один из этих способов не отличается надежностью. Эх, что бы сказала Иззи, узнав, что ее бывший напарник использует отмычки и воровские уловки? Но Иззи тут нет, и Пит

¹⁹ Американская военная база и центр подготовки солдат. С 2022 года носит название Форт Либерти.

поспешно прогоняет из головы ее образ с укоризненным выражением на лице.

Опустившись на корточки, Питер заглядывает в подвальное окошко, но оно занавешено очень плотно, ни одной щелочки. На этих узких оконцах сигнализации, скорее всего, нет, но Питер сомневается, что сможет пролезть, даже раздевшись догола и вымазавшись жиром. Он решает попробовать кухонное окно. К его радости, оно чуть приоткрыто для проветривания. Значит, сигнализация на нем отключена, и с помощью длинной стальной проволоки, изогнутой и пропущенной в щель, можно подцепить щеколду.

Питер сгибает проволоку и принимается за свое черное дело, безмолвно мурлыкая про себя припев из песни Бетти Эверетт: «Не хорошо, не хорошо, не хорошо. Детка, это не хорошо!». Он не слышит, как открывается дверь на фасаде, и не видит, как темная тень бесшумно появляется из-за угла дома и скользит к нему. Лишь запоздало осознает, что раздавшийся щелчок исходит не от оконной щеколды; это звук, с которым пистолет снимают с предохранителем.

– Не двигаться! – раздается голос у него над ухом. – Ako kreneš, risaću.²⁰

Питер не собирается двигаться. Но молчать ему никто не приказывал.

– Ни хрена не понимаю, что вы говорите, но я не хотел нападать на вас.

– Tko si ti? Jesi li ti Vuko čovjek? Ili vas je poslala vlada?²¹

– Все еще не понимаю...

– Odgovori ili ću pucati.²²

Питеру остается лишь пожать плечами.

²⁰ «Только дернись – я выстрелю» (серб.) Здесь и далее фразы на сербском языке приведены в английской транскрипции, а так-то в Сербии в ходу кириллица.

²¹ «Кто ты такой? Ты человек Вуко? Или тебя послали власти?» (серб.)

²² «Отвечай, иначе я выстрелю» (серб.)

– Ne razumiješ srpski?²³ – в голосе ощущается сомнение. – Ты не понимаешь по-сербски? Кто ты такой, черт возьми? Тебя отправил Вуко?

– Вуко больше нет, – машинально отвечает Питер.

Наступает пауза. Затем, человек за спиной Питера говорит:

– Заходи в дом. Надо поговорить.

15

Питер, тихо радуясь, что его план «ловли на живца» сработал, но пока не рискуя оборачиваться, входит в дом. Задняя дверь ведет на кухню, как в большинстве подобных коттеджей. Блажкович, если это он (а больше никому), тихо ступает следом. Раздается еще один щелчок, но на этот раз это выключатель; вспыхивает свет. Прищурившись от неожиданности, Питер видит типичную кухню одинокого мужчины: невымытые тарелки в раковине, упаковки из-под замороженных полуфабрикатов в мусорном ведре, крошки на столе. Не то чтобы тут царил полный бардак и хаос, все-таки хозяйка исчезла не так уж давно, но отсутствие женской руки уже начало сказываться. Слой пыли на мебели еще не бросается в глаза, а вот растение в горшке на подоконнике явно страдает от недостаточного полива.

– Дальше, проходи дальше, – торопит Блажкович.

Из кухни они попадают в темную гостиную. Благодаря проникающему из кухни свету, Питер видит лишь одно кресло с коричневой тканевой обивкой, смутные контуры другой мебели и блик света на экране телевизора. Едва угадывается четырехугольник окна, свет уличных фонарей почти не пробивается сквозь плотные шторы,

– Присаживайся, – говорит хозяин, подталкивая Питера к ближайшему креслу.

Питер присаживается, в то время как Блажкович быстро обходит гостя и оказывается на середине гостиной. Осознанно или нет, но хозяин дома поступает как полицейский при допросе, направляя свет

²³ «Не понимаешь по-сербски?» (серб.)

на задержанного, а сам оставаясь в тени. В руке мужчины поблескивает пистолет с длинным толстым стволом; секундой позже Питер понимает, что это глушитель.

– Итак, что же мне с тобой делать? – как бы про себя произносит Блажкович.

– Для начала, если и правда хотите услышать мой ответ, не стоит меня убивать, – говорит Питер, стараясь придать своему голосу ту уверенность и хладнокровие, которых он вовсе не ощущал. – И, полагаю, будь у вас такое намерение, вы не стали бы приглашать меня внутрь.

– Приму к сведению, – кивает Блажкович. – А теперь, выкладывай – кто ты и зачем пытался влезть в дом? Ты не из полиции. – Это звучит не вопрос, а утверждение.

– Нет, я не из полиции. Меня зовут Питер Хантли, я частный детектив. В нагрудном кармане моей куртки бумажник с удостоверением, подтверждающим мои слова. Вы позволите?

– И что же понадобилось от меня частному сыщику? – Блажкович с интересом рассматривает удостоверение и бросает бумажник на колени Питеру.

Питер, не моргнув и глазом, выкладывает заранее припасенную сказку.

– Я расследую обстоятельства исчезновения вашей жены, Элис Уотерс. По заказу ее дальней родственницы из Оклахомы...

– Лжешь. Лжешь старательно, но неумело, – прерывает, не дослушав, Блажкович. – Не слишком хорошее начало разговора. За все годы брака я никогда не слышал от Элис ни о какой родственнице в Оклахоме. Ты хоть знаешь, из какого города родом сама Элис? Нет? Я так и думал. И если бы ты занимался делом Элис, ты не знал бы про Вуко.

«Черт!» – мысленно произносит Питер. Но тон голоса Блажковича неожиданно смягчается.

– Иронично, но это имя, возможно, спасло тебе жизнь. Мне стало любопытно. Что ты знаешь о Вуко?

– Он умер, – с облегчением отвечает Питер. – В прошлом году, в заключении. Покончил с собой.

– Покончил с собой? Пфф, не смей меня. Вуко боялся смерти, как огня. Потому что верил, что после смерти... Впрочем, неважно. Рад слышать, что он сдох. Если ты раскопал информацию о Вуко – значит, что-то знаешь и обо мне. И о событиях в Югославии двадцатилетней давности. Охотник за военными преступниками? Мститель? Рассказывай правду, не заставляй меня простреливать тебе ноги, чтобы развязать язык.

– Я не лгал о том, что я частный детектив. Работаю в агентстве «Найдем и сохраним», здесь, в городе. Это можно проверить по интернету. Мой клиент интересуется вашей научной работой и деятельностью. Охренеть как интересуется, – признается Питер.

– Ах вот оно что, – Блажкович усмехается. – Это меняет дело. Как же твой клиент узнал обо мне и моих исследованиях? Кто он, черт возьми? Илон Маск? Я должен был догадаться.

– Профессиональная этика не позволяет мне раскрыть имя клиента, да оно вам и ничего не скажет. – Питер гадает, сильно ли удивится Блажкович, узнав, что «заказавший» его человек – вовсе не миллиардер Илон Маск, а слепец-ветеран, живущий по соседству.

– Понимаю. И даже одобряю. Но ты можешь хотя бы намекнуть: чем именно я привлек внимание? В чем я прокололся, детектив?

– Скажем так: клиент принял сигнал.

– Принял сигнал? – удивляется Блажкович. – Но... каким образом...? Впрочем, не бывает ничего невозможного... Но сперва закончим с тобой. Я так понимаю, есть еще одна причина не убивать тебя, помимо моего желания или нежелания. Будучи профессионалом, ты наверняка позаботился о страховке, не так ли, Хантли? На такой вот случай.

Питер кивает. Он видел немало фильмов, где герой блефовал, говоря о якобы оставленных записках или посланных письмах, изображающих злодея, и иногда это даже срабатывало. Но он-то не герой, поэтому подстраховался на самом деле. Электронное письмо для Иззи отправится ровно в девять, если Питер не окажется в офисе

раньше и не отменит его отправку. А Холли узнает все из записки на ее безукоризненно чистом столе и из отчета в компьютере.

– Если я не вернусь, вся собранная мной информация окажется в полиции. Ее также получит и мой коллега по агентству, – Питер говорит чистую правду, не уточняя, впрочем, что его коллега – худощавая женщина средних лет, не способная в своем обычном состоянии и мухи обидеть.

– Да-да, в это я охотно верю, – замечает Блажкович. – Но прямо *сейчас* взвод спецназа ведь не готовится штурмовать мой дом, я прав, Хантли? У нас есть время хотя бы до утра?

Питер неопределенно пожимает плечами. Некоторое время Блажкович молчит, то ли раздумывая над словами Питера, то ли прикидывая, как лучше избавиться от тела. Пистолет в руке по-прежнему смотрит дулом Питу в лоб.

– Возможно, такой человек, как ты, будет мне в бóльшей степени полезен живым, чем мертвым, – наконец произносит Блажкович.

– «Такой» – это какой? – переспрашивает Питер.

– Добросовестно выполняющий свою работу, даже связанную с риском. Соблюдающий профессиональную этику. Не знаю, сколько заплатил или обещал тебе клиент, но я могу заплатить больше. Гораздо больше. Я подумываю нанять тебя, детектив Хантли. Что скажешь?

Питер медлит с ответом. Подобное предложение застало его врасплох, в отличие от событий последнего часа, когда он, можно сказать, сунул голову в пасть льву в расчете на его, льва, любопытство. И не прогадал. Да, это было рискованное скоропалительное решение и топорная работа, но ведь сработало же.

Тем временем, Блажкович сдвигается в сторону и зажигает маленькую лампу с абажуром из ткани, стоящую на журнальном столике. Не спуская с Питера ни глаз, ни оружия, Блажкович присаживается на подлокотник другого кресла. Теперь, видя лицо собеседника, Питеру легче поддерживать разговор.

– Пока я не готов ответить «да» или «нет», – говорит он. – Прежде чем принимать или отвергать такое предложение, мне нужно заполнить кое-какие пробелы в собственном расследовании, расставить там точки над *i*. Проще говоря: я должен понимать с кем имею дело и какого хрена ему от меня нужно.

– Профессиональная этика, – вздыхает Блажкович. – И ты, конечно, откажешься, если решишь, что вычитанное в интернете – правда.

– А это правда?

– Зависит от точки зрения. Хочешь услышать мою?

– Да. Даже если не смогу ее проверить. Я не могу обещать, что поверю вам на слово, но хочу услышать вашу историю, мистер Блажкович.

Теперь наступает очередь Блажковича медлить с ответом. Питеру тем временем вспоминаются разговоры «по душам» с некоторыми из арестованных им преступников. Они часто проявляли желание поговорить, пусть даже все сказанное могло быть использовано против них. Их тяготило одиночество в замкнутом пространстве собственных мыслей. А Блажкович долго пробыл наедине со своими мыслями.

– Не приходило ли тебе в голову, что мы сейчас очень похожи на героя и злодея в финале голливудского боевика? Что-что, а фильмы у вас шикарные. Но в каждом втором повторяется этот глупый штамп: злодей держит героя на мушке и, вместо того, чтобы спустить курок и покончить с ним, начинает с пафосом выкладывать всю подноготную, раскрывая свои карты, планы и тайны. Злодей не может удержаться, чтобы не покрасоваться и не поглумиться над героем, но мы-то знаем, чем все кончится. Либо герой, выждав подходящий момент, обезоружит своего врага, либо появится кавалерия. Но я откровенничаю с тобой не потому, что собираюсь убить, а потому, что надеюсь на помощь, так что давай отделимся от таких аналогий. Я могу отложить эту штуку, – Блажкович покачивает отягощенным глушителем стволом пистолета, – которая уже изрядно оттянула мне руку, если ты не будешь пытаться наброситься на меня.

– Я здесь за информацией, – отвечает Питер, по достоинству оценив слова собеседника. – Если бы я хотел выбивать ее из вас силой – я пришел бы с «пушкой» или с парой приятелей. И хрена я бы позволил вам так легко застать меня врасплох у задней двери.

– Логично, – соглашается Блажкович. – Что ж, Хантли, я кладу пистолет. Вот сюда, на край стола, не слишком далеко. Теперь мы можем поговорить, как равные. Или хотя бы как хозяин и гость.

– Благодарю, так гораздо лучше, – замечает Питер, и правда ощущая облегчение от того, что на него больше не смотрит черный провал пистолетного дула. Полицейские, даже бывшие, нервничают при виде направленного на них оружия точно так же, как обычные люди. Просто они это умело скрывают.

– Задавай свои вопросы, – любезно предлагает Блажкович. – Только не забывай о том времени, к которому ты должен вернуться, чтобы не поднялась тревога. Мы же не хотим, чтобы нас неожиданно прервали, верно?

– Думаю, будет лучше, если вы вкратце расскажите о себе. Если я захочу что-то уточнить – спрошу.

– С чего же мне начать?

– С того, что было после доклада в Белградском университете.

– Даже до этого докопался? – удивляется Блажкович. – Молодец. Итак, после того, как мой доклад освистали...

16

...после того, как мой доклад освистали, мне не оставалось ничего другого, как продолжать свои исследования самостоятельно, без помощи и связи с научным сообществом. Даже в одиночку я значительно продвинулся, но зашел в тупик из-за невозможности пользоваться специальными приборами и оборудованием, которым в то время в нашей стране располагал лишь один Белградский университет. Я так рассчитывал на его поддержку...

Затем началась война, которая поставила окончательный крест на моих дальнейших исследованиях. Сперва местные этнические

конфликты, стычки и перестрелки. Затем в ход пошли танки и артиллерия. Раньше я никогда не придавал большого значения всем этим разногласиям между сербами и хорватами, православными и католиками. Война заставила меня вспомнить, что я серб. Я должен был либо встать на защиту своего народа, либо бежать.

Я отправил свою жену и дочь в одну деревушку, как можно дальше от линии фронта. И вступил в СДГ – Сербскую Добровольческую Гвардию. Мы называли себя «Арканови тигрови» – «Тигры Аркана». Не спрашивай, убивал ли я кого-то – я не знаю. Мне доводилось стрелять из автомата, но я не видел – попадают ли мои пули в цель. Я видел мертвые тела, но не знал, чьи пули их поразили. На войне обычно так и бывает; настоящая война не похожа на голливудские боевики. Некоторые из наших солдат хвастались, сколько хорватов или боснийцев они убили, делали зарубки на прикладах автоматов. Они врали, в том числе самим себе.

В одном могу поклясться именем своей матери – я не расстреливал безоружных и беззащитных, не сжигал дома вместе с жителями, не пытал пленных. Веришь ли ты мне или нет – меня не волнует.

Ты спрашиваешь, как я стал одним из приближенных Вуко? Хотел бы я, чтобы этого никогда не случилось... Через несколько месяцев службы меня вызвали к командиру. И там, в его палатке, был еще один незнакомый мне офицер СДГ, молодой, худощавый. Ты наверняка прочел в интернете как быстро и за счет чего Вуко продвигался по службе.

«Это он?» – с сомнением спросил незнакомый офицер.

Мой командир подтвердил.

«Как же вы изменились, господин Блажкович, – расплывшись в улыбке произнес молодой офицер, – с тех не таких уж далеких времен, когда читали нам лекции и принимали экзамены».

Прежде чем заняться исследованиями, я преподавал в Сараево. Вуко оказался одним из моих студентов. Он, также, присутствовал на том провальном докладе в Белградском университете.

Он перевел меня в свой отряд, забрал с собой. Я недоумевал – зачем я ему понадобился? Почему он вспомнил обо мне спустя столько лет? Вижу, тебя тоже это удивляет. Еще больше я был удивлен, превратившись из простого стрелка в кого-то вроде советника или адъютанта Вуко; теперь мне больше не приходилось даже держать в руках автомат, не говоря уж о том, чтобы стрелять в людей. Вуко хотел от меня другого. И он дал мне то, в чем я нуждался – дорогостоящее сложное оборудование. Возможно, это были те самые приборы Белградского университета, доступ к которым я пытался получить.

Знаешь, почему его заинтересовали мои исследования? Три четверти того, в чем обвиняли Вуко – выдумки писак, многие из которых даже не были на той войне или вовсе родились после нее. Но четверть – правда. Руки Вуко были по локоть в крови, она не просыхала с самого начала конфликта. Когда его сравнивали с Владом Цепешем – это было не для красного словца, не такое уж сильное преувеличение.

И вместе с тем, Вуко был глубоко верующим человеком, как ни иронично это звучит. По ночам он молился и плакал. Перед его глазами, должно быть, вставали лица людей, убитых накануне. Иногда, если в эти минуты я оказывался рядом, он падал передо мной на колени, хватал меня за руки, каялся и умолял утешить его. Он хотел услышать от меня, что все им сделанное – по воле Божьей. Что он не виноват в том, что Бог выбрал его своим орудием.

Наступало утро, и Вуко приказывал стереть с лица земли следующую хорватскую деревню. Вместе с жителями.

Я очень быстро понял, что оказался во власти безумного маньяка. Но что я мог сделать? Когда я лишь заикнулся о бесчеловечных методах Вуко, он приставил ствол пистолета к моему лбу, взвел курок и тихо сказал: «Вы хотите испытать Божью волю, господин Блажкович?» А через несколько дней он молча положил передо мной фотографию, на которой пара солдат СДГ с автоматами, ухмыляясь, обнимали мою испуганную и плачущую жену в той деревне, куда я отослал ее вместе с дочерью.

Меня называли правой рукой Вуко, его цепным псом, палачом. Мне дали прозвище Доктор Сон, с мрачно-ироническом смыслом, мол, кто попадает в мои руки – тот больше не проснется. Знали ли те, кто так говорил, что у него в заложниках моя жена и дочь? Да, я просто выполнял приказы, как и многие из тех, кто сидел на скамье обвиняемых в Нюрнберге. Но какой у меня был выбор?

Чем я занимался для Вуко? Через некоторое время, он стал настаивать на практических опытах, подтверждающих мои теории о влиянии электрического тока на человеческий разум. А когда Вуко настаивает – другой человек либо подчиняется, либо умирает. Не делай такое лицо, Хантли, дай договорить. Выслушай, прежде чем осуждать! Я работал с тяжелоранеными солдатами в госпитале, с нашими и пленными. Воздействуя электричеством на мозг, я мог погрузить человека в необычайно реалистичный сон, содержание которого зависело от мыслей и воображения подопытного. Я помогал им вспомнить и воссоздать их лучшие дни, те моменты, когда они были счастливы. И человек уходил туда, в этот иллюзорный мир, безмятежно улыбаясь. Его душа уходила, оставляя безжизненную оболочку на больничной койке. Да, я проводил эксперименты на людях и признаюсь в этом! Со стороны это и правда походило на пытки. Но мне удавалось облегчить страдания смертельно раненых и неизлечимо больных, избавить их от мучительной агонии. Они покидали наш мир счастливыми! Таково было первое практическое применение моего аппарата.

Зачем это нужно было Вуко? Я говорил: жестокий убийца и богобоязненный святоша делили его тело и разум. Днем он нес смерть, якобы по Божьей воле, ночью – рыдал от страха адских мук за свои злодеяния. Список которых был столь длинен, что никакими молитвами не сократить. О, да, Вуко верил в ад. Не просто в какие-то абстрактные мучения души, а в настоящий ад, с чертями и котлами, под которыми горит вечный огонь. Верил он и в рай, столь же стереотипный. И с помощью моего открытия он хотел избежать ада и гарантировать себе место в раю, независимо от того, что и как он творил в земной жизни. А в ад, настоящий ад, он желал отправлять

своих врагов и просто недругов. Что ты смотришь на меня, как на психа? Я рассказываю не о себе, о Вуко. Он и был псих.

Но штука в том, что сны – это лишь побочный и вторичный эффект. Не больше и не важнее, чем тень, отбрасываемая предметом, или эхо, служащее лишь отражением голоса, но не голосом. Истинная суть моего открытия, остававшаяся до поры до времени лишь теорией, в том, что связка человеческого разума и электрического, должным образом настроенного прибора способна открыть дверь в другие миры. Да, есть и другие миры, кроме этого. Бесчисленное множество миров, окружающих нас, но невидимых, неосознанных и недоступных. Это миры, порожденные воображением и фантазией, либо подсознанием – скрытой и неисследованной частью человеческого разума. Но при определенных усилиях, они становятся столь же материальными и реальными, как тот мир, в котором мы живем. Мне удалось нащупать путь туда для души или, если говорить с точки зрения науки, для той сети электрических импульсов, что делают человека разумным мыслящим существом. И в теории не было преград для того, чтобы перемещать в другие миры (и оттуда) материальные объекты, в том числе человека целиком: душу и разум вместе с телом. Так что – да, со временем я мог бы отыскать для Вуко способ попасть в рай во плоти, не то что в виде бесплотной души.

Подбери челюсть, Хантли. Ты хотел услышать мою историю – так слушай. Самое удивительное позади.

Да, в теории возможности открытия просто поражали. Но на практике я снова уперся в тупик. В те времена и в условиях войны, когда лабораторией мне служила палата для умирающих в госпитале, я не мог продвинуться дальше. Нужны были еще более сложные и дорогие приборы, которые еще не были сконструированы и созданы. А главное – нужен был чрезвычайно мощный и быстрый компьютер для вычислений параметров электрического тока. Ты же помнишь, какие были компьютеры два десятилетия назад? Тот, что был достаточно мощный для моих нужд – занимал целую комнату, и комната эта располагалась в другой стране. А обычные персональные компьютеры годились только для, скажем так, пристрелки. Я

мог отправить в иной мир душу умирающего, но ни грамма чего-либо материального. Я мог увидеть другой мир, но не мог ничего принести оттуда.

Не спрашивай, как устроен и работает мой аппарат. У меня не получилось убедить в его работе даже своих коллег-физиков. Но, если в двух словах: наш разум живет и работает за счет электрических импульсов. Память, чувства, способность мыслить – то, что делает человека личностью – все это благодаря электричеству. А аппарат служит чем-то вроде модема; сам по себе он ничто, но будучи проводником электрических импульсов человеческого мозга – делает то же, что самый дешевый и простенький модем для самого дорогого и мощного компьютера – открывает доступ в миры, чем-то похожие на сайты в интернете. Только гораздо более многочисленные и разнообразные.

Но есть один нюанс: лишь сотые доли вольта и ампера – вот что отделяет удачное открытие портала в иной мир от аналога электрического стула. Для этих вычислений, которые должны быть необычайно точными, и нужен быстрый и мощный компьютер.

Хорошо, теперь я продолжу свою историю. Уже начинает светать. Посмотри на часы, у нас еще есть время?

Война затягивалась. Все шло своим чередом: рейды, обстрелы, наступления, отступления... И нельзя было понять, кто выигрывает, а кто проигрывает, кто прав, а кто виноват. Пока в игру не вступило НАТО.

В мае 1999 я узнал, что моя жена погибла в Белграде, куда, вопреки моим увещеваниям, поехала навестить мать. Дочь, которая была с ней, пропала без вести; о ее судьбе я ничего не знаю до сих пор. Скорее всего она тоже мертва. Горькая ирония: каким бы чудовищем ни был Вуко – моя семья погибла не от его руки и не по его приказу. Их погребли под собой обломки здания, разрушенного натовскими бомбами.

В тот же день я бежал из лагеря Вуко. Бежал, полуслепший от слез и горя. Меня больше ничто не приковывало к Безумному Четнику. У меня ничего не осталось: ни семьи, ни дома, ни страны... Мне

удалось укрыться в горах, перейти границу и попасть в Молдавию.²⁴ Оттуда я перебрался в Россию. Но Россия в конце 90-х переживала нелегкие времена. И я, не зная языка, без документов, не имея никаких связей и знакомств, не смог устроиться в этой холодной и нищей стране. Кое-как скопив денег, я раздобыл поддельные документы и купил самый дешевый билет на самолет в Соединенные Штаты. В Нью-Йорке, прямо в аэропорту, зная, что мои поддельные документы не пройдут проверку, я попросил политического убежища.

А теперь, угадай, почему меня не выдворили из страны сразу же или позже, когда Сербия прислала запрос об экстрадиции? Почему меня не посадили в американскую тюрьму и даже не отказали в американском гражданстве? Почему я годами жил, не имея никаких неприятностей с законом? Почему в интернете сохранились лишь крохи информации обо мне, а большая часть канула в Лету? Потому что я пошел на сделку. Я был измучен и испуган, без средств к существованию и без места в мире. Я согласился не просто дать показания против Вуко Джоковича и других сербских командиров. Но и оклеветать их. Те пресловутые три четверти лжи, что ты прочел о Вуко, СДГ и войне в Югославии – появились с моей подачи. Не только с моей, конечно, но я внес свою лепту.

Стыдно ли мне? Поступил бы я иначе, если бы мог вернуться в прошлое? Не знаю.

Ну, вот и почти конец моей истории. Я обосновался в США, выучил язык (небольшой акцент все еще остается, да?), женился на милой местной женщине, фамилию которой взял себе, и попытался жить, как обычный американец.

Но ученый – всегда ученый, даже на пенсии. А наука и техника за последние годы шагнули далеко вперед. Поэтому я возобновил свои исследования и эксперименты, стараясь не привлекать к себе особого внимания. К сожалению, это мне не удалось, иначе ты бы здесь не появился, детектив Хантли.

²⁴ Сербия не граничит с Молдавией. Автор или персонаж «пропустили» Румынию.

Питер задумчиво поглаживает усы. Нельзя отрицать, что история Блажковича произвела на него впечатление. Какие-то факты он принял на веру, в каких-то усомнился, но, следя за лицом рассказчика, стараясь распознать ложь, найти неувязку в цепи событий, некую фальшь – он видел лишь отражающиеся на лице искренние чувства. Зацепиться было не за что; Питер так и не смог найти причин продолжать относиться к Блажковичу как к скрывающемуся военному преступнику. Оставалась лишь одна деталь...

– Я в жизни не слышал более удивительных вещей, и все же почти готов вам поверить и помочь, – говорит, наконец, Питер. – Но для получения общей картины мне необходим еще один элемент.

– Какой же? Если я что-то упустил – напомни, я исправлю эту оплошность.

– Надеюсь. Вернемся к тому, с чего начался наш разговор. Да, я солгал, что занимаюсь расследованием исчезновения вашей жены, Элис Уотерс. И я знаю, что полиция провела расследование и не имеет оснований в чем-то подозревать вас. Тем не менее, мне позарез нужно знать – что с ней случилось? Эта мысль терзает меня, как сраный геморрой.

– У меня есть свечи в ванной... А, это шутка.

Блажкович на минуту замолкает, погруженный в свои мысли. Он уже давно не смотрит на пистолет, лежащий на столике, а его правая рука подпирает бородатый подбородок. В глазах странная смесь печали и надежды.

– Я надеялся, что ты отбросишь эту тему и не вернешься к ней, – говорит он. – Не потому, что я боюсь разоблачения. Просто рассказывать об этом больно. Я мог бы отказаться, сославшись на то, что это личное... Но, с другой стороны, не рассказать тоже будет неправильно. Ведь эта часть истории имеет прямое отношение к тому, что произойдет в этом доме, как только мы закончим разговор и придем к соглашению.

– Ни мне, ни моему клиенту подробности вашей личной жизни на хрен не сдались, – заверяет Питер. – Но раз вы сами говорите, что это важно... Обещаю, понапрасну трепать языком я не буду.

Блажкович бросает взгляд на фотографию в рамке, стоящую у телевизора, и продолжает:

18

– Мы познакомились в 2011 году, на художественной выставке в Денвере. Я тогда проживал в Колорадо и работал в «Дженерал Электрик». Мне нужно было не только зарабатывать деньги, но и поддерживать форму, идти в ногу со временем, если я собирался когда-нибудь вернуться к своим исследованиям. Я много лет жил один и, честно говоря, был не в восторге от перспективы встретить старость в одиночестве. Мне казалось, что я по-прежнему чужак в этой стране, и что прошлое все еще может настигнуть меня – поэтому я вплоть до сегодняшнего дня ждал появления то ли кого-то из друзей Вуко, то ли агента сербских спецслужб.

И все же я не мог просто забиться в угол и, дрожа от страха, ждать неизвестно чего. Поэтому я свел знакомство с симпатичной интеллигентной женщиной средних лет. Она была одинока, я был одинок... Через несколько месяцев знакомства, я сделал Элис предложение. Мне не нужны были ни ее деньги, ни ее фамилия; я уже получил гражданство и неплохо зарабатывал. Мне просто необходим был близкий человек, ради которого стоит жить. Впрочем, это все лирика, не имеющая отношения к делу.

Мы переехали сюда, купив в складчину этот дом. Жили скромно, но не нуждались. Хотя я оставил работу в «Дженерал Электрик», я время от времени подрабатывал, и счет в банке позволял надеяться на спокойную мирную старость рядом с любимым человеком.

И тут – как гром среди ясного неба. Элис стала плохо себя чувствовать, обратилась к врачу... и услышала страшный диагноз – рак. Большая часть скопленных денег ушла на больничные счета. Химио-

терапия, лучевая терапия – все это приносило лишь временное облегчение. Пошли метастазы. Врачи лишь разводили руками, мол, иногда остается только смириться с неизбежным.

«Месяц, может быть два», – сказали мне с глазу на глаз после очередного обследования. Можно подумать, Элис сама не понимала, сколько ей осталось. Она держалась молодцом, не впадала в уныние. А я был в отчаянии. Я потерял одну любимую женщину и вот-вот должен был потерять другую. Но в первом случае я узнал о смерти жены спустя день или два, когда уже ничего не мог изменить, а теперь вторая жена умирала прямо у меня на руках.

Звучит так, словно я думал только о себе и жалел только себя, но это не так. Если ты терял близкого человека, мать, отца – ты должен меня понимать.

Я подумывал об использовании своего аппарата с того самого дня, как узнал, что болезнь Элис неизлечима и ей осталось недолго. Мне казалось само собой разумеющимся избавить ее от страданий, даже если из-за этого у меня возникнут проблемы с законом. А потом я спросил себя: «Что мне мешает пойти дальше? Почему не попробовать то, о чем я думал и во что верил еще два десятилетия назад, в Сербии? Что, в конце концов, теряем мы с Элис?»

У меня не было от секретов от Элис. За годы совместной жизни я неоднократно пытался объяснить ей суть моего открытия, рассказывал, чем занимался раньше в том числе об успешных экспериментах со смертельно ранеными в госпитале. Элис принимала меня таким, каков я есть, не осуждая. Верила она в мое открытие и возможности моего аппарата или нет – неважно. Она верила в меня, и потому с радостью и надеждой согласилась стать моей подопытной. Утопающий хватается за соломинку, а умирающий от жажды пьет из любой бутылки, что ему предлагают.

И я стал создавать новый, усовершенствованный аппарат. Знаешь, мне только сейчас пришло в голову, что за все эти годы я не удосужился дать какое-нибудь название ни аппарату, ни тому эффекту, что он создавал. И теперь в этом уже нет смысла; позже ты

поймешь, почему. Я заказал все необходимое оборудование и материалы, поражаясь, как легко это сделать в США в 21 веке. Мне даже не пришлось грабить местные университеты, все необходимое я мог купить, как частное лицо, были бы деньги. Правда денег оставалось мало, поэтому приходилось экономить. Вместо суперкомпьютера я решил использовать кластер из игровых приставок – каждая из них была на два порядка мощнее того компьютера, что управлял моим аппаратом в Сербии, в госпитале, где меня прозвали Доктор Сон. Кроме того, я не хотел давать почву для слухов и сплетен, заказывая несколько мощных компьютеров на один адрес, а к приставкам все относится легкомысленно, это же просто игрушки.

И вот, состоялась первая попытка переместить в другой мир не только разум, но и тело человека, хотя все мои теории и расчеты говорили о том, что это возможно. Я точно знаю, что опыт удался. Элис исчезла, от нее не осталось и следа. Пришлось выдумать правдоподобную историю и разыграть ее перед полицией. Если меня и подозревали – доказать что-либо было невозможно. Нет тела – нет дела.

Ты, должно быть, недоумеваешь, каким образом то, что я проделал с Элис, могло помочь в ее положении? Не все ли равно, где умирать от рака? Все очень просто: мы вместе нашли для нее мир, в котором магия – такая же привычная и обыденная вещь, как наши автомобили и компьютеры. Волшебный мир. Мир, в котором добрый мудрец в длинной мантии и остроконечной шляпе сможет взмахнуть волшебной палочкой, произнести заклинание, и неведомая, чуждая этому миру хворь покинет мою любимую раньше, чем она успеет выговорить «магнитно-резонансная томография». Ты когда-нибудь слышал, чтобы в фэнтези кто-то страдал или умирал от рака? Звучит бредово, но, поверь, мы серьезно и основательно подошли к этому вопросу.

Я говорил, что основной силой в моем открытии выступает именно мозг подопытного, вернее, та неосоздаваемая и малоизученная часть человеческого разума, что зовется воображением? Аппарат служит лишь для управления тем, чем, как считалось веками, невозможно управлять. За то время, что у нас оставалось, мы сделали все

возможное, чтобы разум Элис открыл портал именно в тот мир, что нам – ей – нужен.

Мы перечитали множество книг. Не современные, а старое доброе фэнтези времен Толкина, Льюиса и Говарда. Прекрасные, светлые и теплые, как янтарь, книги, о которых сейчас, к сожалению, мало кто помнит. Ты ведь читал «Властелин колец» Толкина? Нет, фильм – не то, слишком много войн и насилия. Книга же создает как раз нужный настрой. После каждой книги мы часами обсуждали прочитанное. Элис по кирпичику строила мир в своем воображении, прежде чем отправиться туда во плоти. Мы называли этот мир Долины, еще не видя его, но зная – каким он будет. Надо было как-то называть, чтобы сосредоточиться на его образе. Мир на глазах становился живым, обретал страны и города, жителей и животных, своих героев и злодеев. И, самое главное, мы придумали того, кто спасет Элис – собирательный образ из Мерлина, Гендальфа и Оза из сказки Баума. Хотя последний-то был шарлатаном; просто Элис с детства нравилась эта сказка про путешествие девочки по дороге из желтого кирпича. Но никто из этих магов не отказал бы в помощи умирающей женщине из другого мира.

Все это время Элис продолжала принимать свои лекарства, но под конец они уже почти не помогали. Я видел, как кривится от боли ее лицо, как трудно ей говорить, даже просто сидеть и читать. Больше медлить было нельзя, иначе Элис могло не хватить сил найти волшебника в Долинах. Или ее сознание могло помутиться от боли и открытый мир окажется не таким, как мы ожидали.

И вот, наступил момент истины. Включив аппарат, я подал на электроды, присоединенные к голове моей жены, ток чудовищной силы и напряжения. Если бы я ошибся, если бы мои теории и расчеты были неверны – она погибла бы мгновенно, превратилась бы в обугленный труп. Что все равно было бы лучше для нее, чем мучительно умирать от рака. Но все получилось.

Ее последние слова, прежде чем я нажал на кнопку: «Я буду ждать тебя!»

Долины – это не слащаво-слюнявый диснеевский мирок сплошь из цветочков и розовых единорогов. Тот мир знает, что такое смерть и война. И магия там далеко не всегда используется во благо. Может, где-то в горах Долин живут огнедышащие драконы, время от времени совершающие налет на близлежащие города. Под мостами прячутся тролли-людоеды, а в лесах – разбойники или волки, умение которых разговаривать ничуть не умеряет их аппетит. Но, надеюсь, Элис смогла как-то устроиться, чтобы дожидаться меня. Иначе и быть не может.

19

– ...иначе и быть не может. Вот, что случилось с моей женой, детектив Хантли. Я верю, что она в Долинах. Жива, здорова и ждет меня. И сегодня я собираюсь к ней присоединиться, для чего мне и необходима твоя помощь.

Блажкович умолкает. На его сосредоточенном лице выступили бисеринки пота, глаза полуприкрыты, одна рука нервно сжимает запястье другой. В гостиной повисает тишина, пока Питер не осознает, что от него ждут ответа. Он долго откашливается, словно это он вел рассказ или словно эти секунды промедления могут что-то изменить.

– Знаете... я сказал, что готов вам поверить. И не отказываюсь от своих слов. Я хочу вам поверить. Но это что-то... что выше моих сил. Я не знаю, как убедить себя, что вы говорите правду. Выслушав все это в другом месте, от другого человека – я бы рассмеялся и сказал, что это просто дикая галимая хрень.

Блажкович вздрагивает от этих слов, но не издает ни звука.

– Просто не знаю, что вам сказать, – продолжает Питер, понимая, как невнятно и беспомощно звучит его ответ. – Все это слишком фантастично.

Он должен был принять какое-то решение, выслушав историю Блажковича, но вместо этого оказался сбит с толку и запутался, еще

больше, чем прежде. В голове все смешалось. Сны, иные миры, аппарат, способный перенести человека в сказку, дорога из желтого кирпича, добрый волшебник, излечивающий рак... Что из этого правда, а что – нет? Какого хрена он решил, что *хоть что-то* из этого правда? Кроме слов человека, с которым он впервые встретился лицом к лицу несколько часов назад, никаких доказательств, никаких фактов. И если первую часть истории Питер выслушал с интересом, счел правдоподобной (во всяком случае до места, где речь пошла о дверях в иные миры), и она действительно расставила кое-какие точки над *i*, то вторая часть столкнулась с непрошибаемой бетонной стеной здравого смысла. Санта-Клауса не существует – это Пит знал с пяти лет. А теперь ему, взрослому мужчине, занимающемуся серьезным делом, предлагают поверить в то, что «Подземелья и драконы» могут оказаться реальностью?

– Я ожидал такой ответ, – говорит Блажкович, – хотя и надеялся на другой. Трудно поверить на слово в подобную историю. Я первый это признаю. Хочешь вложить пальцы в раны мои,²⁵ детектив Хантли?

– Эээ... Чего? – встрепенулся Питер.

– Я говорю: ты хочешь увидеть то, во что сможешь поверить. – Это не вопрос, а утверждение. – И тогда ты согласишься. Так ступай за мной. Начинается последний акт пьесы. Все произойдет на твоих глазах.

Блажкович поднимается с кресла. Он шагает из гостиной в прихожую, где справа от входной двери начинается лестница в подвал. Пистолет с глушителем остается лежать на журнальном столике. Взгляд Питера мечется между ним и удаляющейся спиной хозяина дома. Шестеренки в его голове вращаются, цепляются зубцами друг за друга, скрежещут... «Это просто невыносимо! С хрена ли этот че-

²⁵ Намек на библейский эпизод с апостолом Фомой (также известным, как Фома Неверующий), который уверовал в воскрешение Христа лишь увидев раны от гвоздей на его руках и потрогав смертельную рану, оставленную копьем.

ловек так уверен в себе? Он знает, что я не воспользуюсь пистолетом, так же хорошо, как я сам это знаю. Потому что иначе я так и не увижу конец этой сказки!»

Он догоняет Блажковича, когда тот уже спускается по узкой лестнице. Руки Пита пусты, пистолет по-прежнему лежит на столике в гостиной.

– Я тебе одну умную вещь скажу, – произносит Блажкович, не оборачиваясь, – хотя ее придумал не я, а один твой коллега. Он говорил: «Если отбросить все невозможное, то, что останется, и есть истина, какой бы невероятной она ни казалась».

Пит не отвечает. Они спускаются в подвал, куда сходятся все нити и где хранятся все ключи.

20

Подвал, занимающий почти все пространство под домом, кажется маленьким и тесным из-за обилия громоздкой аппаратуры. Свободен лишь участок в центре и проход к лестнице. Питер не без труда различает игровые приставки, составленные в две колонны по пять штук и выполняющие роль вычислительного центра. Самый здоровенный и тяжелый на вид ящик, похоже, трансформатор. Наверное, он и издавал при работе тот низкий гул, что беспокоил Кеннета Оллмана. О назначении и названии других приборов можно только догадываться. Множество разноцветных кабелей соединяют их между собой.

Посреди этого нагромождения электроники стоит обыкновенное кресло на колесиках. С его подголовника тоже свисают переплетенные между собой провода. Перед креслом – обычный монитор и клавиатура, посредством которой, видимо, осуществляется настройка и управление. Сбоку еще один монитор, поменьше. На нем Питер видит черно-белые трансляции с четырех камер, в том числе с той, что смотрит на задний двор.

– А вы хорошо позаботились о безопасности, – замечает Питер.
– Засекли меня, едва я приблизился к дому. Сигнализация не на взлом, а на касание?

– Да, купил вместе с прочим оборудованием, по дешевке. Мало ли кто мог влезть в дом; не украли – так разбили бы ценное оборудование, которое я не мог позволить себе купить заново. Сигнализацию и камеры поставил после того, как не стало Элис. Не хотел, чтобы у полиции появились лишние вопросы. А после – все объяснимо: я остался один, иногда приходилось покидать дом. Паранойя под старость разыгралась. Честно говоря, у меня и правда появилось ощущение, что за мной следят. И ведь я оказался прав, интуиция не подвела. Услышал сигнал – он приходит мне на смартфон, не в охранную фирму – гляжу, возится у задней двери какой-то тип. Ты все еще не хочешь раскрыть имя заказчика?

– Это не Илон Маск, – отшучивается Пит.

Позади приборов угадываются очертания сдвинутых к стенам и в дальний конец помещения предметов, что обычно захламляют подвалы нормальных людей: старая мебель, верстак и ящики с инструментами, газонокосилка, стремянка, запасные покрышки и прочее барахло.

– С того дня, как я отправил Элис в Долины, я старался вновь нащупать путь туда, – говорит Блажкович, колдуя над приборами. На панелях некоторых из них появляются или начинают перемигиваться огоньки светодиодов. – Это оказалось не так-то легко, ведь мир, открытый воображением Элис, уникален, неповторим. Воображение каждого человека работает по-своему. Мне пришлось сделать множество попыток.

«Вот эти-то попытки и перехватил Оллман», – думает Пит. Ему доводилось слышать про людей, которые принимали радиоволны через металлические зубные протезы. Может, и пластинка, скрепляющая череп Оллмана после ранения действует похожим образом?

– У меня была неизменная путеводная звезда – сама Элис – я ведь искал ее мир. И все же иногда дверь открывалась в очень недружелюбные, даже опасные места, – продолжает Блажкович. – Это

одна из причин, почему аппарат не должен оказаться в чужих руках. Кто знает, какой мир сделает доступным неопытный исследователь, и какие неведомые твари проникнут из того мира в наш? Я сделал ошибку, попытавшись поделиться своим открытием с научным сообществом. Теперь я даже рад, что меня сочли шарлатаном и не стали слушать. Еще одну ошибку я совершил, собрав и применив аппарат в первый раз. Мне кажется, тем самым я словно дал знать кому-то по ту сторону двери: «Тук-тук, к вам гости!» И этот кто-то может захотеть пройти в наш мир, когда дверь откроется. Но разве у меня был выбор? Разве ты не сделал бы для любимой женщины то же самое, невзирая на риск?

Пит не отвечает, ведь этот вопрос и не требует ответа. Для своей бывшей жены он не пошевелил бы и пальцем, но для дочери – для Шоны – другое дело.

Блажкович сосредотачивается на настройке аппаратуры, тихо напевая себе под нос:

– Srpsku granatu Bojja ruka void...²⁶

Позже, прокручивая в памяти случившееся в подвале, Питер ловит себя на том, что не может с полной уверенностью отделить реальность – то, что видели его глаза, слышали уши и чувствовали руки – от подробностей, дорисованных воображением. Он уверен, что не спятил окончательно, и большая часть пережитого была столь же реальна, как его жизнь и работа в полиции, до того, как его угораздило связаться с делом Хартфилда и познакомиться с Холли. Но некоторые моменты вспоминаются теперь, как обрывки кошмарного сна.

И, подобно тому, как проснувшийся посреди ночи в холодном поту человек подавляет рвущийся из горла крик и успокаивает себя: «Это был всего лишь сон!», Пит тешит себя мыслью: «Та хрень мне привиделась. Померещилась, почудилась, показалась. Не могло такого быть на самом деле. Потому что не могло быть никогда!». Рациональная часть мозга поддакивает: «Конечно, привиделась. Игра

²⁶ «Сербский снаряд Божья рука ведет» (серб.) Строка из песни Перицы Ивановича.

света и теней рождает, подчас, причудливые картины. А может, у тебя были галлюцинации от вони горелой изоляции. Или от метана, скопившегося в подвале. Или от крысиного яда, распыленного там Блажковичем. Да мало ли разумных и простых объяснений...»

А та часть мозга, что убедила Питера терпеливо выслушать фантастическую историю Блажковича, не перебивая и не насмехаясь над рассказчиком, влезает в разговор со словами: «Я вам что – пустое место, мать вашу?! По-моему, все было так»:

21

...все было так:

– Прежде чем подавать на электроды ток, необходимый для открытия портала, я дам лишь небольшой пробный разряд, – сказал Блажкович, водружая на голову конструкцию, похожую на проводочную шапочку, так что вплетенные в нее электроды оказались прижаты к вискам и затылку. – Такой ток я использовал в своем первом аппарате, когда работал с умирающими в сербском госпитале. Разум путешествует, тело до поры до времени остается. Убедившись, что расчеты верны и я нашел нужный мир, пущу ток в полную силу.

– Звучит не очень-то безопасно, – заметил Питер, с сомнением поглядывая на гудящий трансформатор и мигающие светодиоды.

– Подготовительный этап не опаснее, чем наблюдать за видеоиграми на экране телевизора, – заверил его Блажкович. – А потом... Если все пройдет удачно, ты сам в этом убедишься. Если я ошибся в расчетах – аппарат будет подключен к моему мертвому дымящемуся телу. Тогда тебе придется придумать какое-нибудь объяснение. Я не стану просить избавиться от трупа, но если ты все же найдешь такой способ... А, вздор, чепуха. Опыт пройдет успешно. Я уверен в этом.

– Хорошо. Допустим, ваш аппарат сработает, как нужно. Допустим, я поверю вам даже сейчас, до включения всей этой хренотени.

Но вы так и не сказали: какова моя роль во всем этом деле и для чего вам нужна моя помощь, – напомнил Питер.

– Разве? Должно быть, запомнил. Но я точно говорил, что открытие двери между мирами может быть опасно. Нет, не для того, кто ставит опыт. Хотя, конечно, он-то рискует больше всех. Но опасность грозит другим людям. Неизвестно кто или что может попытаться проникнуть в наш мир с той стороны, пока дверь открыта. Мне страшно подумать, к чему приведет стремление исследовать другие миры, пусть даже с научными целями и в секретной подземной лаборатории где-нибудь в пустыне Нью-Мексико.²⁷ Если люди начнут открывать порталы один за другим, просто чтобы посмотреть, что за ними скрывается – произойдет катастрофа. Рано или поздно за открытой дверью окажется не принцесса, а тигр.

Мне кажется, твоя задача очевидна. Как только я осуществлю свой второй и последний опыт – ты должен уничтожить аппарат и не допустить, чтобы кто-то его восстановил. – Блажкович указал на увесистый молоток с обтянутой резиной рукояткой, словно нарочно отложенный на край стола, отдельно от прочих инструментов. – Постарайся убедить тех, кто будет задавать вопросы, что вся эта электроника – не больше, чем декорации в фантастическом фильме. Бесплезные и безопасные забавы пожилого спятившего ученого. Ты кажешься мне здравомыслящим человеком, Питер, и вряд ли поддашься искушению сам завладеть аппаратом. И не думаю, что тебя привлекает мимолетная слава гостя на каком-нибудь ток-шоу, где твоему рассказу все равно никто не поверит. Впрочем, выбора у меня все равно нет – ты единственный, на кого я могу положиться.

– Пытаясь уместить в голове все, что я услышал от вас, я уже сам сомневаюсь в своем здравомыслии, – усмехнулся Питер. – Не знаю, почему вы решили, что я достоин такого доверия...

Блажкович прервал его рассуждения, вскинув руку.

– Ты мог встать и уйти, когда я перестал угрожать тебе оружием. Обозвав меня на прощанье чокнутым профессором или похлеще.

²⁷ В такой лаборатории и тоже с открытия портала в иной мир начинается действие популярной игры Half Life.

Мог напасть на меня, оглушить и связать, чтобы потом передать мой аппарат своему нанимателю, кем бы он ни был. Ты не сделал ни того, ни другого. Питер, ты лучшая кандидатура среди всех, что приходят мне на ум.

Питер не нашел, что ответить. Блажкович тем временем повернулся к приборам, внося последние коррективы в настройки.

– Во время подготовительного этапа я буду описывать то, что увижу.

– Но я-то этого видеть не смогу? – уточнил Питер.

– Не сразу. Когда я запущу аппарат на полную мощь – ты увидишь. В предыдущем опыте аппарат был подключен к голове Элис, но я видел Долины так же ясно и четко, как улицу, смотря из окна дома. – Блажкович щелкнул переключателем в недрах своего электронного чудовища Франкенштейна и откинулся на спинку кресла. – Сейчас начнется!

Питер не заметил никаких изменений, разве что аппаратура загудела чуть громче. Глаза ученого, не мигая, уставились в одну точку, напомнив Питеру взгляд слепца-ветерана. Но вот губы Блажковича медленно разошлись в улыбке. Он что-то пробормотал по-сербски.

– Получилось! – повторил Блажкович. – Я ни с чем не спутаю этот чудесный вид. Это Долины – вне всяких сомнений. Питер, тебя не затруднит нажать красную кнопку на устройстве прямо передо мной? Ты не ошибешься – она там одна. У меня, понимаешь ли, перед глазами сейчас совсем другая картина.

– Эээ, нет, – помотал головой Питер. – Я не знаю, что может случиться. А если коротнет? Меня мама в детстве раз и навсегда отучила нажимать красные кнопки.

– Вот же ты Фома, – вздохнул Блажкович. – Возьми мою руку и поднеси к этой кнопке. Не бойся, все будет хорошо.

– Вы точно уверены?

– Я уверен достаточно сильно, чтобы рискнуть. Ты что – не слушал, что я тебе втолковывал все эти часы? А то, что сказал в конце – запомнил?

– Сохранить секрет, уничтожить аппарат, замести следы, – машинально произнес Питер, покосившись на лежащий на столе молоток. Ему вдруг вспомнилось, что они не обговорили вопрос оплаты, но сейчас поднимать эту тему – не лучший момент. Он взял ладонь Блажковича, влажную и горячую от волнения.

– Хороший мальчик. – Блажкович с помощью Питера нащупал кнопку и приложил к ней палец. – Когда нажму – не касайся проводов и приборов! Ну, с Богом!

«Какого ж хрена я делаю-то?! – заметались мысли в голове Питера, – Если я буду просто стоять и смотреть – этот чудак поджарит себя на моих глазах, как пить дать! Я могу попасть в гребаную тюрьму!»

Но он не смог заставить себя сдвинуться с места. А потом стало поздно – палец ученого вдавил кнопку.

Питер ожидал услышать треск электрического разряда, или что свет ламп под потолком подвала потускнеет, как в тех фильмах, где кого-то пытаются электрическим током. Но единственным заметным эффектом было то, что тело Блажковича неестественно вытянулось и напряглось, словно вместо позвоночника в нем появился стальной стержень. Руки судорожно вцепились в подлокотники кресла.

«Ну, вот и все», – подумал Питер, мысленно добавив два-три непечатных слова.

А затем, прямо напротив кресла, в котором сидел ученый, на месте монитора, появился и начал распускаться оранжево-желтый цветок. Такое было первое впечатление, но, приглядевшись, Питер увидел, что это больше похоже на сгусток пламени, языки которого располагались по кругу, как лепестки цветка. Пламенный цветок продолжал быстро распускаться, и теперь в его центре образовалась полость-окно, пока заполненная мягким ласковым сиянием. На него можно было смотреть даже не прищуриваясь. Зрелище было таким красивым и завораживающим, что на миг Питер даже забыл о Блажковиче – жив ли он?

Гудение трансформатора стало не то чтобы громче, но глубже, заставляя вибрировать пломбы в зубах. Волоски на шее и руках Питера встали дыбом, ему показалось, что по коже пробегают крошечные невидимые искорки.

Достигнув высоты человеческого роста, портал прекратил расти. Его края утратили сходство с языками пламени, оставшись просто светящейся рамкой вокруг подобия круглого зеркала или экрана. Сам экран начал проясняться, и появился на нем отнюдь не интерьер подвала с нагромождением аппаратуры.

– Ты видишь это?! – прохрипел Блажкович. Он был не только жив, но и возбужден до предела. – Теперь ты веришь мне, Питер?

Шокированный Питер мог ответить лишь кивком. Он потерял дар речи, поглощенный разворачивающейся перед ним картиной. На расстоянии вытянутой руки от него появлялось окно, дверь портал – как ни назови – в другой мир. На первый взгляд этот мир напоминал новозеландские пейзажи, так убедительно изобразившие Средиземье в саге Джексона,²⁸ но неким шестым чувством наблюдатель понимал, что этой местности не сыскать на всем земном шаре.

По ту сторону портала светило солнце, так что подвал залило ярким светом. Горизонт скрывался за пологими холмами, поросшими сочной зеленой травой и деревьями. В полумиле, за неглубоким ручьем, через который был переброшен горбатый деревянный мост, возвышался прекрасный каменный замок. На шпилях его башен трепетали по ветру флаги. Ворота замка были приветливо распахнуты, словно приглашая в гости всех желающих. Ров и подъемный мост – неотъемлемые атрибуты настоящих средневековых замков, строившихся не от хорошей жизни и рассчитанных на длительную осаду – отсутствовали. Вокруг замка раскинулась деревенька из аккуратных и чистеньких, словно игрушки, домиков. Из труб вился дымок. Крестьяне в белых полотняных рубашках деловито возились в садах,

²⁸ Речь, конечно же, про трилогию «Властелин колец» режиссера Питера Джексона.

огородах, коровниках, кузницах и бог знает где еще; Питер, как типичный городской житель, затруднялся определить назначение этих строений.

Справа от наблюдателя, коим сейчас выступал Питер, из-за края экрана выходила добротная мощеная дорога, ведущая к замку. Без особого удивления Питер отметил, что вымощена она желтым кирпичом. Раздался цокот копыт, и в поле зрения появилась кавалькада из полудюжины всадников в блестящих доспехах и нарядных накидках поверх. Несмотря на доспехи и вооружение, выглядели они столь же сказочными и игрушечными, как замок и деревенские домики. В руках одного из рыцарей было зажато длинное древко со знаменем или баннером с вышитыми на белом фоне символами – розой и ключом. Всадники рысью проскакали через мост, очевидно, направляясь в замок. Может, это были герольды, везущие важные вести, или послы. А может, молодые благородные рыцари с оруженосцами возвращались, выполнив свой квест.

– Это и есть Долины? – выдавил из себя Питер, тут же осознав, насколько глупо звучит его вопрос. Он смотрел через портал на другой мир – не все ли равно, какое имя дал ему открыватель?

– Они самые, – ответил Блажкович, поднимаясь с кресла и снимая с головы ненужные уже электроды – портал теперь поддерживала в рабочем состоянии некая иная сила. – У меня получилось! Я отправляюсь туда, Питер. Элис должна быть в том замке. Иду к тебе, Элис!

Блажкович прикоснулся рукой к той условной плоскости, что разделяла миры, и вокруг его пальцев распространилась едва заметная рябь, будто он нарушил покой стоячей (вертикально!) необычайно прозрачной и чистой воды.

– Прощай, Питер. И помни, что ты должен сделать!

Питер вдруг осознал, что хотя они провели в разговорах почти всю ночь, на многие важные вещи и вопросы не хватило времени. Например, ученый так и не проинструктировал его, что нужно сде-

лать до того, как избавляться от аппарата? Нужно ли выключить питание или нажать еще на какую-нибудь кнопку, когда Блажкович пройдет через портал? Или дверь в Долины закроется сама собой?

Блажковича было уже не остановить; все его мысли занимало грядущее воссоединение с любимой. Он решительно шагнул вперед и полностью прошел через портал. Со стороны Питера картинка покрылась рябью, но даже через нее он различил, как Блажкович идет по зеленой траве, расставив руки и подставив лицо лучам солнца.

Всадники, тем временем, проскакали через мост, миновали деревеньку и исчезли в распахнутых воротах замка. Питер подумал: «Хорошо, что никто из них не обернулся и не заметил высывающегося из сияющего круга чужака в необычной одежде. А то какой-нибудь нервный рыцарь мог бы и ринуться в атаку на неведомого пришельца».

– Долины прекрасны! – донесся до Питера крик Блажковича. – Мы с Элис будем жить здесь долго и счастливо, как в сказке!

– Рад за вас, – пробормотал Питер, борясь с искушением тоже проскочить через портал, чтобы ощутить мягкость травы и тепло солнца. Может, даже дойти до деревеньки и посмотреть, чем там занимаются люди. А что если прихватить с собой из Долин какой-нибудь предмет... хотя бы камень или ветку?

Блажкович, направляющийся по траве к дороге из желтого кирпича, вдруг остановился в нерешительности, словно почуяв что-то... неправильное. Питер тоже напрягся. Он не мог понять, что его насторожило, пока не услышал цокот копыт. Из-за края видимой Питеру области появилась еще одна кавалькада. Всадники вновь скакали по мощенной желтым кирпичом дороге к мосту через ручей, не обратив ровным счетом никакого внимания на Блажковича, стоявшего в нескольких шагах от обочины. Ехали рыцари в том же количестве и в том же порядке, облаченные в такие же латы и яркие накидки. Один из них держал флаг с вышитыми розой и ключом.

Блажкович недоуменно повертел головой. Для него-то всадники появились не из-за края портала, а в полном смысле ниоткуда, прямо на дороге.

– Эй! – крикнул он нерешительно, обращаясь то ли к всадникам, то ли к Питеру. – Какого черта тут происходит?

Кавалькада проскакала деревню и втянулась в ворота замка. На башнях все так же безмятежно развевались флаги, крестьяне в деревне занимались своими крестьянскими делами. Но у Питера сложилось впечатление, что мужик у колодца, который уж давно должен был вытащить ведро и уйти, все крутит и крутит ворот, кузнец размеренно ударяет по одной и той же стороне железяки на наковальне, а баба вот уже несколько минут снимает с яблони одно и то же яблоко. Их действия напоминали происходящее на заднем плане в фильме, когда внимание зрителя сосредоточено на переднем.

– Блажкович! – крикнул Питер, все еще побаиваясь просовывать голову через портал и надеясь, что ученый слышит его. – Вы уверены, что так и должно быть? Все это похоже на зацикленное ви...

По желтым кирпичам застучали копыта лошадей, и группа рыцарей под знаменем с розой и ключом появилась в третий раз.

Блажкович развернулся и направился обратно к порталу. На его лице застыло обеспокоенное выражение. Должно быть, он ломал голову над тем, что за ошибку допустил. А пейзаж за его спиной вдруг стал стремительно меняться. Замок, деревню, едущих рыцарей, ручей и мост, даже окружающие долину холмы заволокло серым туманом, становящимся гуще с каждой секундой. Только распространялся он не в каком-то одном направлении, например, от отдаленных объектов к ближним, а словно возникал в центре видимой Питером картинке и полз к ее краям. И теперь, когда чары спали, Питер понимал, что это и есть картинка, двухмерное плоское изображение, которое не обмануло бы и ребенка.

Блажкович пустился бегом, но туман опередил его, окутал и скрыл от глаз Питера. Секунду спустя голова, плечи и руки ученого все-таки прорвали плотную, больше похожую на клубящуюся жидкость, чем на туман, завесу. В растерянных глазах Блажковича появился ужас.

– Это обман, Питер! – выкрикнул он, отчаянно пытаясь вырваться из объятий тумана. – Хуже, это ловушка!

Едва осознавая, что делает, Питер схватил Блажковича за руку и попытался вытянуть из серой трясины. Только упершись ногами в цементный пол по обе стороны от портала и откинувшись назад, так что опрокинулось кресло на колесиках, ему удалось вытащить ученого до пояса. А в портале возникло что-то еще, более темное и плотное, чем окружающий туман. Оно приближалось, извиваясь и издавая мерзкий стрекочущий звук.

– Я попался! – вскрикнул Блажкович.

– Что мне делать?! – заорал Питер. – Как вырубить эту гребаную хреновину?

Из портала вынырнуло фиолетово-розовое щупальце толщиной с человеческую руку и обвило тело Блажковича. Челюсть Питера отвисла, он издал сдавленный стон и едва не выпустил руку ученого, но сам Блажкович, казалось, обрел невероятное при этих обстоятельствах хладнокровие.

– Теперь я понял, – быстро заговорил Блажкович, осознавая, что ему осталось в лучшем случае несколько секунд. – Нет никакого бесконечного разнообразия миров! Есть лишь один мир, что маскируется под многие, рожденные нашим воображением. Как хамелеон, меняющий цвет... И этот мир полон чудовищ!

– Помолчи, я тебя вытащу!

– Слишком поздно. – Еще два блестящих от слизи щупальца появились из портала над головой Блажковича и на миг зависли, словно примериваясь, как ловчее ухватить человека. Питер увидел ряды розовых присосок, располагающихся на их внутренней стороне; присоски шевелились и причмокивали, словно рты. – Они заманивают и обманывают тех, кто находит к ним дорогу. Если и есть ад – настоящий ад – то он здесь!

Упругие щупальца обвили вокруг плечей, рук и шеи Блажковича и с неодолимой силой потащили его в туман по ту сторону портала. Подошвы ботинок Питера с шорохом поехали по цементу. Еще одно щупальце поднырнуло снизу и зашарило по полу, как слепой червь.

– Брось меня и закрой портал! – заорал Блажкович. – Выруби питание вон там, у трансформатора! Они не должны проникнуть в наш мир!

Питер оглянулся, пытаясь понять, о чем говорит Блажкович, но рассмотреть нужную кнопку или тумблер среди нагромождения аппаратуры было не легче, чем угадать, просто нажимая на все подряд. Стиснув зубы, он продолжал тянуть, неумолимо проигрывая дюйм за дюймом.

– Я погубил Элис, – в отчаянии всхлипнул Блажкович. – Я сам отправил ее сюда, на съедение этим...

Почти погребенный под переплетением щупалец, он разжал пальцы мокрой от пота руки, и она выскользнула из захвата. Питер не удержал равновесие и плюхнулся на задницу, ударившись спиной об опрокинутое кресло. В мгновение ока щупальца втянули ученого в туман за порталом. Раздался ужасный, хоть и заглушенный стрекотом таящегося в тумане чудовища, вопль.²⁹

Питер привстал и попятился, не спуская глаз с оставшегося, елозящего по полу, щупальца. Снова наткнулся на опрокинутое кресло и с грохотом отпихнул его от себя. Щупальце, словно услышав или почувствовав вибрацию, метнулось вперед и обхватило правую ногу Питера пониже колена. Детектив вскрикнул от страха и отвращения, даже через ткань брюк ощутив холодное липкое прикосновение. Щупальце напряглось и потянуло, поначалу несильно, как рыболов, не уверенный, что за рыба попалась ему на крючок.

«Где же этот чертов выключатель?!» – Питер рванулся к трансформатору, и щупальце, словно тот же рыбак, подсекающий добычу, резко дернуло его за ногу.

Падая, Питер машинально выставил в сторону руку, сильно ушиб ее об край стола, но пальцы сомкнулись на каком-то увесистом металлическом предмете. Молоток!

²⁹ Помните, в предисловии я обещал, что никто не умрет? Я вас обманул. А может и нет; возможно, Блажковича ожидала участь хуже, чем смерть (пардон за этот избитый штамп из низкопробного чтива).

С треском порвалась штанина, слетел ботинок. От прикосновения присосок к голой коже Питера продрала дрожь. Он принялся остервенело лупить молотком по щупальцу, обвивающему ногу, но боек шлепал, словно по толстой резине, не причиняя вреда. Сообразив, Питер повернул молоток другой стороной и с размаху всадил изогнутый клюв гвоздодера в податливую плоть. Чудовище заверещало, из раны брызнула густая, похожая на сопли, жижа.

«Ага, не нравится?! – подумал Питер, размеренно нанося удар за ударом. – Если тебя, мразь, можно ранить – значит, можно и убить!»

Фиолетовая слизистая плоть в верхней части щупальца с хлюпаньем раздвинулась, открыв мутно-желтый глаз, размером с мяч для гольфа. И одновременно с осознанием, что на него смотрят и видят, Питер ощутил, как еще одно *невидимое* щупальце вторгается в его разум. Такое же холодное липкое прикосновение, как к коже, но от него не отмахнуться молотком.

– Какого хрена тебе от меня надо?! – заорал Питер.

«Молчать, таракашка. Мы в своем праве», – вспыхнула в ответ чужая мысль в его мозгу.

Теперь Питер понял, как Блажкович так быстро догадался о том, что собой представляют существа, таящиеся в тумане, и их мир. Ментальное касание не просто транслирует в его мозг мысли чудовищаномирца (и читает мысли Питера?), оно позволяет ему на миг слиться с разумом чудовища, с их коллективным разумом, словно у пчел и муравьев. И мига хватает. То, что эти существа, оказывается, разумны – ударила Питу подобно разряду тока.

«Как ты смеешь сопротивляться нам? Проявив глупость и любопытство, ты заслужил свою участь. Ты теперь наш!».

От этих мыслей почти осязаемо исходит презрение и самоуверенность. Иномирцы так же уверены в своей непогрешимости, как рыбак (да, уже третье сравнение с рыбалкой, но ничего другого Питу не пришло в голову), вытаскивающий рыбу из воды. Им просто чужда, непонятна и неинтересна другая точка зрения. И неприемлемо иное развитие событий, при котором Питер остался бы по свою

сторону невидимой границы между мирами, а существа с щупальцами – по свою.

Питер снова нанес сильный удар молотком, на этот раз целясь по глазу, и щупальце, обиженно заверещав, отпустило его и уползло в портал. Ментальная связь тоже прервалась. Но облегченно вздохнуть и праздновать победу еще рано; из тумана вынырнули еще три-четыре целых и бодрых отростка. Питер понял, что в этом противостоянии шансы не на его стороне, неважно, с молотком он или без. Ему вспоминается, что наверху, на журнальном столике в гостиной, лежит пистолет Блажковича. Но с тем же успехом оружие могло находиться на Луне; он просто не успеет добраться до лестницы.

И тогда Питер с яростным воплем, в котором смешалось отчаяние, страх, гнев и унаследованный от далеких пещерных предков азарт смертельной битвы, обрушил молоток на панели и корпуса приборов, любых, что были в досягаемости. Раздался грохот сминаемых металлических коробов и треск их рассыпающегося на части содержимого. Из недр аппаратуры посыпались искры. Свет в подвале замерцал и погас, осталось лишь тусклое свечение из затуманенного портала.

Щупальца, не желая упускать добычу, метнулись к Питеру. Одно начало обвиваться вокруг туловища, другое поймало за ногу, третье перехватило карающую руку со страшным молотком. Заскрипев зубами, Питер нащупал свободной левой рукой первый попавшийся пучок проводов и рванул его, что было сил. Кажется, его ударило током; он не заметил и меньше всего на свете сейчас беспокоился о таких мелочах. Провода, искря и треща, оторвались, и Питер тут же ткнул оголенными концами в окружившую его фиолетовую слизистую плоть. Помогло ли это – осталось невыясненным, поскольку портал схлопнулся в ту же секунду. Три щупальца, длиной в пять-шесть футов, оказались словно отхвачены гильотиной. Брызжа из места отрубав белесой кровью-слизью, они упали на цементный пол и конвульсивно задергались.

Питер обессиленно опустился на пол, не забыв перед этим отбросить щупальца обутой в ботинок ногой подальше. Щупальца все

еще пытались хватать, но их движения были слабыми и бессмысленными. Верный молоток выпал из руки Пита. Только сейчас он заметил, что на голени в том месте, где ее обвивало первое щупальце, вспухают волдыри, как от ожога. Спина, затылок и локоть, ушибленные при падении, сильно ныли, но, кажется, ничего не сломано. Боль вызывала даже что-то вроде радости; болит – значит, он все еще жив! Пит тронул брюки в паху – нет, вроде не обмочился. Хотя штаны теперь, конечно, на выброс. И ботинки жалко, они были почти новые.

Посидев минуту-другую и переведя дух, Питер понял, что не все опасности миновали. В подвале явно начался пожар от короткого замыкания. Язычки пламени уже бегут не только по обломкам разгромленной аппаратуры, но и по рухляди, сдвинутой в кучу. Воздух быстро наполняется дымом и, что хуже всего, удушливой вонью горящего пластика и изоляции. Еще несколько вдохов этой смеси и Питеру не хватит сил выбраться отсюда.

При слабом свете дрожащего пламени, Питер различил ведущую вверх лестницу и дверь. Кряхтя от боли, он поднялся на ноги и побрел к выходу из подвала. У него за спиной все еще слабо подергиваются лежащие на полу обрубки щупалец.

22

Пыхтя, спотыкаясь и держась руками за лестничные перила, Питер, наконец, выбирается из подвала. Он думает, что все кончено. Но у судьбы иное мнение. Остановившись отдышаться у входной двери, Питер слышит за ней шум и крики. Солнце уже взошло, но для обычной уличной суеты еще рановато.

Тонкий женский голос кричит что-то вроде «Не надо!» и «Не ходи туда!». Мужской же, который Питер не сразу узнает, рявкает в ответ: «Я должен остановить их! Ради тебя и нашего сына! Если не я, то кто же?!». Голоса приближаются.

Питер собирается открыть дверь и выяснить: какого хрена здесь еще происходит, но в ту же секунду, как он берется за ручку, дверное

полотно содрогается от удара и дает трещину. В пробитой филенке возникает лезвие пожарного топора. Пит смотрит на топор почти равнодушно, осовевшим взглядом; после увиденного и пережитого в подвале его трудно удивить или напугать.

С той стороны по двери наносят еще три-четыре удара, сопровождаемые пронзительными женскими воплями. Под ноги Питеру летят щепки. В пробитую брешь всовывается одутловатое искаженное от ярости лицо Кеннета Оллмана. Глаза его выпучены и так активно вращаются в орбитах, что кажется, будто слепец прозрел, но чуть позже Питер понимает: если Оллман что-то и видит, то вовсе не то, что находится прямо перед его глазами.

– А вот и Кенни! – ревет Оллман и продолжает с неослабевающей энергией рубить дверь. У него за спиной верещит женщина, надо полагать – жена. «Как там ее зовут? – припоминает Питер, – Робби? Бобби?»

После очередного удара дверной замок не выдерживает, дверь распаивается, ударяясь об стену, а Оллман с топором наперевес вваливается внутрь. На нем лишь пижамные штаны, торс оголен.

– Оллман! – вскрикивает Питер, инстинктивно отступая перед прущим на него почти голым вооруженным человеком. – Кеннет! Какого хрена ты вытворяешь?!

– Щаз я вам покажу, гады ползучие! – громко бормочет Оллман, не слыша Питера. – Вас сюда не звали, мать вашу! Ну, кто первый, уроды с щупальцами?! Всех убью – один останусь!

До Питера начинает что-то доходить. Если Оллман из-за своей титановой пластинки в черепе или еще по каким-то причинам оказался столь чувствителен к работе аппарата Блажковича, что перехватывал сигнал с расстояния нескольких десятков футов, то как же на него могло подействовать открытие портала и те ужасные события, что последовали затем? Похоже, ветерана шарахнуло во сне так, что эффект реальности происходящего сохранился и после пробуждения. Кеннет схватил топор (господи, да кто ж сейчас держит дома такие топоры?) и, ведомый не глазами, а внутренним зрением, при-

мчался к дому соседа, уверенный, что Твари из Подземельных Измерений³⁰ готовятся вторгнуться в наш мир. И он, Кеннет Оллман, сержант морской пехоты в отставке, ветеран Иракской кампании – единственный, кто может их остановить. К сожалению, Оллман запоздал; его помощь несколькими минутами раньше пришлось бы очень кстати. А сейчас от него вреда больше, чем пользы.

Все это проносится в голове Питера за секунду, а в следующую ему приходится уклоняться от летящего навстречу лезвия топора, которое, описав дугу, с треском врезается в стену прихожей.

– А ну, иди сюда, ублюдок, мать твою! – орет Оллман, похожий в этот момент на викинга, впавшего в состояние берсерка. – Я покажу тебе, как встречает непрошенных гостей морская пехота!

– Оллман! Это я – Питер Хантли! – кричит в ответ Питер, но Оллман сейчас где-то в своем иллюзорном мире, где он *видит*, как чудовища с фиолетовыми щупальцами лезут из всех щелей, и докричаться до него трудно.

– Ты не пройдешь! – замахивается топором Оллман.

Прихожая слишком тесна для таких замахов. Крюк на обухе вонзается в стену и застревает. Воспользовавшись шансом, Питер подныривает под держащую топор руку и, что было сил, бьет Оллмана кулаком в челюсть. Голова ветерана резко дергается, глаза закатываются, он выпускает рукоять топора и падает на пол, как подрубленное дерево. Питер нерешительно выпрямляется, гадая, когда ж, наконец, кончатся испытания, что обрушиваются на его многострадальную голову.

– Ты убил Кенни, сволочь!

В дверном проеме, словно отрезая Питеру путь к спасению, возникает еще одна фигура. Это Роберта Оллман, маленькая, растрепанная, в одной лишь короткой и тонкой ночной рубашке, с голыми и босыми ногами. Но в ее руке направленный на Питера пистолет.

³⁰ В серии фэнтезийных романов Терри Пратчетта о Плоском Мире – чудовища из параллельных миров, только и ждущие, как кто-нибудь (обычно волшебник-недоучка или кто-то, кто «хотел, как лучше») приоткроет им дверь.

Прежде чем Пит успевает открыть рот и объяснить, раздаётся выстрел, и пуля ударяет детектива повыше пупка. Глаза женщины становятся как две плоскости; она, похоже, сама не ожидала, что пистолет выстрелит.

«Ну все, трындец, – думает Питер. – Спасся от щупалец чудовищ из иного мира, чтобы быть застреленным простой американской бабой».

Он облакачивается на стену, чтобы не упасть, и опускает взгляд на свой живот, ожидая увидеть быстро расплывающееся пятно крови. Странно, но ему почти не больно. И даже не страшно. Наверное, это шок.

– О, боже, мне так жаль! – заливается Бобби Оллман, выронив пистолет и прижав руки к груди, просвечивающей сквозь ночнушку. – Я не узнала вас! Думала, вы убили моего мужа... Я не хотела стрелять! Простите, боже...

Питер, не дождавшись появления кровавого пятна, разрывает рубашку напротив пулевого попадания. Хвала господу нашему Иисусу, а равно и неведомому изобретателю кевлара – бронезилет остановил пульку 22-го калибра.

– Хорош орать, миссис Оллман, – говорит Питер. – Лучше помогите мне вытащить вашего мужа. Он жив, просто без сознания.

Из двери в подвал столбом валит дым и уже заволакивает прихожую. Питер и Бобби, надрывно кашляя, хватают лежащего вояку с пришельцами за руки и выволакивают на крыльцо.

Жители окрестных домов уже проснулись, но выбегать на разборку никто не спешит. Может, это и к лучшему. Питер осознает, что их троица выглядит сейчас очень странно и подозрительно, наводя на мысли о супружеской измене и преступлениях на сексуальной почве. Он в изодранных и заляпанных слизью брюках, в одном ботинке, чета Оллманов и вовсе в неглиже. И они вдвоем с Бобби суетятся над бессознательным телом ее мужа.

В подвале что-то гулко ухаёт, не иначе Блажкович хранил там емкости с бытовой химией или растворителем. Со звоном разбивается стекло ближайшего подвального окошка, оттуда валит дым и мелькают языки пламени.

– Кто-нибудь, вызовите пожарных! – пытается прокричать Питер, но сгибается пополам в приступе кашля.

– И скорую! – вторит ему Бобби Оллман, тормоза супруга, чтобы привести в чувство.

– И полицию! – напоминает голос из окна дома на другой стороне Спринг-Стрит.

– К черту полицию! – стонет пришедший в сознание Кеннет Оллман. – Вызывайте национальную гвардию и бомбардировщики. Они не пройдут!

– Тише, дорогой, тише, – чуть не плача успокаивает его Бобби. – Все хорошо, все кончилось.

И Кеннет, кажется, берет себя в руки. Ярость на его лице сменяется удивлением. Глаза, хоть и слепые, принимают осмысленное выражение.

– Что произошло? Где я, Бобби? Мне что – все это снится? И что, черт возьми, у меня с лицом? Как будто мул лягнул...

Убедившись, что с четой Оллманов все в порядке, Питер потихоньку отходит от них и бредет по лужайке. Боже, он совсем потерял счет времени. Который сейчас час? Шона, наверное, еще не прочла записку, и это хорошо. Плохо, если письма прочли Холли и Иззи. Пит достает из внутреннего кармана смартфон, но треснувший экран показывает только отражение закопченного, грязного и потного лица. А, к черту, ничего уже не исправить.

Питер садится на стриженную траву и вытягивает ноющие ноги. Есть еще несколько минут покоя, пока не набегут любопытные соседи, не подъедет, завывая сиреной, пожарная машина. И пока ему не начнут задавать вопросы, на которые он еще не придумал ответы.

Вдруг что-то касается руки Пита, отчего он непроизвольно вздрагивает. Но это прикосновение совсем не похоже на те, что он испытал на своей шкуре в подвале – оно теплое и мягкое, можно

сказать ласковое. Питер поворачивает голову и видит рядом с собой рыжего полосатого кота, который подозрительно принюхивается, но потом все же начинает тереться об Пита и мурлыкать.

У дома 19 по Спринг-Стрит тормозит «Приус» Холли. Сама Холли, выглядывая из бокового окна, переводит взгляд круглых от удивления глаз с Пита на горящий дом, над которым вздымаются клубы дыма, и обратно. «Что ты наделал?!» без слов читается на ее встревоженном лице. Питер в ответ пожимает плечами.

Издалека уже доносятся сирены пожарных. Питер не имеет ни малейшего желания оставаться и доказывать, что он не взломщик-поджигатель, а просто делал свою работу. Еще меньше ему хочется оправдываться перед клиентом и объяснять, что тот никогда не получит машину сновидений, потому что ее нет и не было. Во всяком случае, не сейчас; все это может подождать до завтра.

– Симона Визенталя³¹ из меня не получилось, – со вздохом произносит Питер, вставая и подхватывая на руки рыжего кота. – Придется переквалифицироваться в звероловы.

КОНЕЦ

³¹ Знаменитый охотник за нацистскими преступниками, скрывающимися после окончания Второй мировой войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сон Оллмана по каким-то причинам не вошедший в текст повести, но сохранившийся в конце черновика.

Сижу я, значит, на узкой полоске песка на берегу. На пляже, да. Позади горы, впереди океан. Спина ноет, как будто сто лет тут сижу. Поодаль, смотрю, дверь какая-то стоит, прям на песке. Ни стен, ни подпорок, просто стоит и все. А в океане, видать, прилив попер – волны все ближе и ближе подбираются.

Ну, думаю, щаз промокну весь. И тут, глядь, из воды вылезает тварь, вроде омара, только с сенбернара величиной. И ко мне. Мне бы вскочить – да наутек, но все тело затекло, пошевелиться не могу. Только голова работает; четко так осознаю: «Щаз он меня хрусть – и пополам». И как назло – ни камня поблизости, ни палки.

А омар вдруг открывает рот и говорит человеческим голосом:

– Вчера были маленькие, по три. А сегодня большие, но по пять!³²

³² Да простят меня читатели за столь вольный перевод этой фразы. В оригинале была труднопереводимая игра слов, которая в буквальном переводе смотрелась бы непонятно и не смешно.